

Фiona Моран

Цветы
для
ведьмы

18+

Фиона Моран

Цветы для ведьмы

<https://litres.ru/74080918>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — жертва, принесённая лесу ради спасения деревни.

Она — ведьма, что должна его принять.

Изнурённые голодом и страхом жители отправляют юношу в сердце леса, чтобы умилостивить таинственную ведьму и вернуть плодородие полям.

Но в каждой жертве есть выбор — и Яну предстоит сделать свой.

История о том, как страх превращается в силу, одиночество — в понимание, а жертва — в смысл.

О тех, кто выжил, но остался одиноким.

И о том, что страшнее Леса бывает только то, что мы носим внутри.

Содержание

Пролог	4
Выбор. Часть 1	8
Малёк	23
Выбор. Часть 2	36
Лес	46
Ведьма	56
Живень	66
Велесова ночь	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Фиона Моран

Цветы для ведьмы

Пролог

Каждые шестнадцать лет Лес пробуждается.

Не шелестом листвы и не поступью зверей.

Он шепчет.

Тихим, настойчивым шепотом, что струится меж соснами, словно перетираются в ладонях сухие листья в мертвецкой тишине.

Слова этого шепота невнятны и глухи, будто рожденные не для человеческого слуха.

Но деревня слышит.

Всегда слышит.

И когда трещины на полях расползаются шире ладони, когда скот валится замертво, а из колодцев поднимают лишь зловонную тину — деревня выбирает одного.

Юношу.

Говорят, в самой чаще его ждет ведьма.

Забирает его, а наутро над полями стелется влажный, теплый туман, и земля понемногу оживает, даруя первые всходы.

Дети перестают кричать по ночам, и птицы возвращаются к заросшим речным берегам.

Имя юноши навсегда стирается из памяти, будто его и не было вовсе.

Порядок восстановлен.

И только Лес помнит.

Полуденное солнце висело над выгоревшими полями, заливая землю светом. В бороздах лежала рассыпающаяся пыль, а колосья ржи, некогда высокие и упругие, теперь уродливо обвисли, покрытые серым налётом. В канаве тянулась мутная вода, поверхность её дрожала, точно скрывая что-то под маслянистой пленкой, и запах привлекал рой мух, висевших плотными клубками.

Женщина, стоявшая у колодца, выпрямила спину и крепко сжала рукоять ведра. Её голос прозвучал резко:

— Сколько ещё?

Она не отводила взгляда от мужчины, который копался у канавы в нескольких шагах от неё. Возле покосившегося забора темнела тушка дохлой птицы. Крылья у неё слиплись, а мутные глаза уставились в пыль, словно всё ещё что-то видели.

Мужчина не остановился. Лопата в его натруженных руках продолжала поднимать комья сухой земли и лишь после короткой паузы он ответил, не глядя на неё:

— Столько, сколько потребуется.

Его выцветшая рубаха прилипла к спине от пота. Пальцы, вцепившиеся в черенок, мелко дрожали — то ли от усталости, то ли от напряжения.

— Сыта уже по горло, — сказала женщина уже тише, но горечь в её голосе не угасла. Взгляд её невольно скользнул к горизонту, где тёмной стеной стоял Лес. — Все ведь знают, что время близится.

Мужчина глубже воткнул лопату в землю и не ответил. Лицо его оставалось каменным, будто любое ее неуклюжее слово могло призвать беду, о которой она говорила. Женщина, цокнув языком, резко отвернулась и зашагала прочь.

На улице, меж покосившихся изб, она заметила ребёнка — мальчика лет семи, совсем юнца. Он сидел прямо в пыли у забора. Кожа его была покрыта красной сыпью, он что-то чертил заострённой палкой по земле, пока его не схватили за руку. Мать, горбатая женщина, дёрнула его с силой, и потащила к дому. Мальчик не сопротивлялся, лишь скривился от боли, а женщина не оглядывалась, но чувствовала, как взгляды соседей жгут ей спину.

У колодца другая, помоложе, теребила подол юбки и пыталась стереть с ладоней чёрные, вьёвшиеся пятна. Они не сходили, как бы сильно их не терли. Женщина заглянула в мутное отражение в корыте и скривилась.

И тогда пришёл шёпот.

Он родился где-то за полями, в лесной чаще, и пополз по деревне, словно знойная дымка. Негромкий, но достаточно

отчетливый, он цеплялся за слух. Лопата замерла в воздухе. Женщина вздрогнула и уронила ведро — его обруч с грохотом ударил о землю.

— Слыхали? — прохрипел старик со своей лавки у крыльца. Он не смотрел ни на кого, лишь щурился, вглядываясь вдаль.

— Слыхали, — женщина подхватила ведро, не прерывая движения. — Час пришёл.

— Пора, — буркнул старик. В его глазах на мгновение мелькнул страх, но тут же потух, обрастая смирением. — Дай Лес, чтобы Выбор миновал моих внучков. Видит ведьма, они трудились не покладая рук.

Никто ему не ответил. Дети, что ещё недавно возились у сарая, притихли. Их смех оборвался внезапно, будто им с силой передавили горло.

— Не смотрите туда, глупые, — бросила одна из матерей и насильно отвернула головы своих детей. — Нечего трястись. Вам, малым, ведьма не страшна.

Шепот не умолкал. Он кружил вокруг, то затихая, то нарастая, будто кто-то невидимый ходил между домами и касался каждого.

— Пора, — повторилось вновь, чуть громче.

Выбор. Часть 1

Яридин.

Почти шестнадцать лет с последнего шёпота леса.

В корчме стонал и бился о низкие бревенчатые стены привычный вечерний гул, в котором тонули хриплые голоса захмелевших мужичков и глухой стук глиняных кружек о столешницы.

Ян сидел в самом углу, почти скрывшись в тени под нависающими потолочными балками, а напротив него, раскинув ноги, устроился Ярек. Сын кузнеца неторопливо, крошечными глотками цедил дравок — горькую настойку на коре, оставляющую на языке въедливый привкус золы и земли.

Зерно в этих краях берегли пуще жизни, стараясь не думать о том, что привычная бражка давно превратилась в непозволительную роскошь, доступную разве что волхвам. Дравок не радовал вкусом, но он давал то обманчивое тепло, в котором так нуждались деревенские жители.

Ольдрик, хмуро жуя чёрствую корку, кивнул на окно.

— Долго ещё Выбор этот ждать? — выдохнул он и поморщился от глотка. — Дрянь, а не пойло, нутро с неё воротит.

Ярек отставил кружку, облизал губы и после недолгой паузы ответил медленно:

— Батек говорит, у леса шёпот слышать.

— Так рано ж ещё? Может, показалось по пьяне? — на-

хмурился Ольдрик.

— Может, но интересно, кто будет... В прошлый раз же вообще у одной из волхвов отпрыска забрали. А они-то с Верхнего были.

— Это тот выродок, что с крысой забавился? — спросил Ольдрик.

— С какой ещё крысой? — встрял Ян.

— Белены объелся, Янчик? Неужто не помнишь? — Ольдрик облокотился на лавку, явно не предвкушая историю, которую слышал уже сотню раз.

Голос Ярека понизился, он подался вперёд:

— Я тогда под стол пешком ходил, а соседи языками чесали... — Он выдержал короткую паузу. — Говорили, спорол он крысе брюхо, сердце вырвал и пялился, как она кровью брызжет. Прямо на людях. Вот визгу было!

Ольдрик угрюмо покачал головой.

— Бабка говорила, он сам с собой разговаривал, — пожала плечами Таиша. Несколько тёмных прядей выбились из косы и упали на плечо.

— На то и Выбор дан, чтоб уродцев таких выкорчёвывать, — вздохнул Ярек.

— Ну... может, кабы его пораньше приструнили... — Ольдрик осёкся, поскрёб щетину и выдохнул. — Да поздно уж, видать, спохватились.

— Тем, кто пашет на деревню, плевать на всё это, — проворчал Ярек. — Другие времена. Нынче народ смирный.

Есть такие, за кем Лес и вовсе не сунется.

— И кто же это? — улыбнулась Таиша, намеренно коснувшись рукава Яна.

— Кто-кто. Янчик наш! С утраца телеги старикам правит, вечером бабкам мешки на горбу таскает... Тьфу ты, свет в окошке. Только слово скажи — я тебе доску именную выкую, на площади приколотим.

— Ага-ага, без него тут всё кверху дном встанет, — хмыкнул Ольдрик. — Гляди, как Таиша-то млеет...

Та покраснела, но не отодвинулась, лишь улыбнулась шире и язвительно бросила:

— Ничего я не млею. Не его вина, что руки откуда надо растут.

— То-то и оно, — продолжил Ольдрик. — Старику твоему, Ярек, в кузне всё пособляет. Твой батя всё нахвалиться не может: мол, без Янчика все стынет.

Он усмехнулся, но осёкся, заметив, как улыбка ушла с лица Ярека, Ян отвёл взгляд, а Таиша закатила глаза.

— Э-э... ладно, хер с ней, с этой кузней, — пробормотал Ольдрик, почесал затылок и уткнулся в кружку. — Пейте, пока сильнее не забродило.

— Вы просто лодыри, вот и всё, — Ян резко сменил тему. — Вон Ольдрик вообще песни корове горланил, лишь бы за вымя не братьяся.

— Дак она теперь сама поёт, когда молоко даёт, — тут же подхватил Ярек с облегчением.

Таиша придвинулась чуть ближе, рука ее легла на стол совсем рядом с рукой Яна. Она посмотрела на него и прошептала так, чтобы слышал только он:

— Посиди ещё чуток. В кои-то веки вместе собрались.

Ян откашлялся, откинулся на спинку лавки и постарался говорить ровно:

— Отец ждёт. Обещал верши потрясти до темноты.

Её внимание было приятно ему, но причинять девушке напрасную боль он не хотел и потому упорно делал вид, что не замечает этих намёков. Стоило вспомнить, как густо краснеют щёки Марека при одном лишь виде Таиши, и становилось ясно: эта дверь закрыта для него навсегда, как бы сильно она ни надеялась на обратное.

Поднявшись, он кивнул притихшим друзьям и направился к выходу, на миг заслонив своей широкой фигурой колеблющийся свет от очага, из-за чего Ярек с Ольдриком переглянулись с лёгкой досадой. Ян улыбнулся им на прощание:

— Только смотрите, до беспамятства не нажритесь. Ярек, к кузне пьяным не суйся. Кто тебя знает, что по дури учудишь, пока в тебе эта дрянь бродит.

Тяжёлая дверь закрылась, разом поглотив многоголосый гомон корчмы, и прохладный вечерний воздух опустился на лицо, мгновенно смывая удушливые запахи дыма, жира и кислого дравока.

Ян поправил ворот рубахи и зашагал по вязкой тропе в сторону низины, но не успел далеко отойти, как замедлил

шаг, заметив испуганного мальчишку, отбивавшегося тяжёлой веткой от тощей, облезлой собаки со свалывшейся шерстью на загривке.

Ребёнок едва удерживал тяжёлую ветвь, неловко размахивая ею перед собой, а пёс оскаливал жёлтые зубы и опасно щёлкал ими в воздухе. Ян шагнул вперёд, прогоняя собаку, и его тёмные волосы, стянутые в короткий хвост, качнулись от этого резкого движения.

Мальчик облегчённо опустил руки, пробормотал едва слышное «спасибо» и поспешил к своей бабке, чья сгорбленная спина отчётливо вырисовывалась на фоне блёклой речной глади. Старуха долго смотрела на Яна, и её взгляд, обычно равнодушный ко всему, теперь был прикован к нему, а голос дрожал от старости:

— Спаси тебя Лес, Янчик, спаси... Кабы мой старший на тебя похож был, не сгнил бы в чаще.

Уголки его губ чуть дрогнули, но в глазах промелькнуло привычное напряжение, которое возникало у него каждый раз, когда речь заходила об утратах:

— Полно вам, не ваша вина, — сказал он, глядя на её согбенные плечи.

Старуха попыталась улыбнуться, но лишь бессильно качнула головой, и Ян, коротко взглянув на притихшего мальчику и кивнув на прощание, двинулся дальше к берегу.

Река встретила его тяжёлым запахом Гнили, лениво поднимавшимся от поверхности; вода текла медленно, неся се-

ро-зелёные комья ила, что цеплялись за острые камни у самого берега. Вдоль кромки чернели полосы перегнивших водорослей, из-за чего Ян поморщился и прикрыл нос рукавом.

Присев на корточки у склизкого бревна, он потянул за грубую верёвку — верша была совершенно пуста, ни крупной рыбы, ни блёклого малька, лишь налипшие комки грязи. Он перешёл к следующей ловушке, проверил её тщательнее, но снова обнаружил лишь пустоту.

Третья, четвёртая, пятая ловушка принесли всё то же разочарование; Ян нахмурился, но ничуть не удивился. Выпрямившись, он устало вытер испачканные руки о штанины и посмотрел на воду, едва отражавшую последние лучи заката.

Он покачал головой и пошёл прочь, к дому.

Тропа вела его через самый центр деревни, где тухлый прибрежный запах смешивался с голосами женщин, толпившихся у ларька с морщинистыми, покрытыми тёмными пятнами овощами. Их взгляды то и дело испуганно скользили к стене Леса на горизонте, каждую минуту ожидая беды.

На развилке Ян заметил соседа-старика, тяжело бредущего по дороге с лукошком репы. Плечи его были низко согнуты.

— Куда сами попёрли-то? — спросил Ян, поравнявшись с ним.

— Этить тебя колотить, напугал, Янчик! — прохрипел

тот. — Матушка твоя сторговала, а забрать запамятовала. Кумекаю, дай снесу, авось куском хлеба одарят... В брюхе-то пусто.

— Давайте сюда, — Ян принял лукошко и взвалил на плечо. — Завтра приходите. Нам с Марексом шестнадцать стукнет. Матушка мясное затеяла — батя последних кур перерезал.

— Праздновать будете? — старик прищурился. — Ох, хвала Лесу, порог переступили. Глупо было бы потерять кого-то из вас в последний год, уж в Велесову ночь-то.

Чуть дальше, у прогнившей и покосившейся ограды, совсем сгорбившись, сидела женщина с пустым взглядом. Ян узнал в ней давнюю подругу матери, что помогала их семье с самого его детства — её худые пальцы безостановочно тербели и драли край платка.

Ян аккуратно опустил лукошко на землю и присел рядом на корточки, чтобы не возвышаться над ней, стараясь следить за её дрожащими руками.

— Обойдется всё, — сказал он, следя за её руками. — Шёпот скоро придет. Станет легче.

Она долго молчала, лишь несколько раз медленно моргнула, прежде чем выдохнуть:

— Ничего не обойдется. Знаешь ведь дурака моего. Как есть сгребут, и останусь я одна. Ни мужика, ни дитя. Так и сгнию тут в одиночестве.

— Верьте в сына. Он юнец совсем, одумается еще.

Женщина так и не подняла глаз, только слабо кивнула, не отрывая взгляда от иссушенной земли под ногами. Ян постоял мгновение, понимая, что слова здесь бессильны, затем поднялся, снова взвалил лукошко на плечо и зашагал дальше.

У самого поворота к их двору, под старым деревом с обломанными сухими сучьями, толпились деревенские юнцы — приятели его брата Марека. Двое были совсем молодыми, один лениво вертел в руках острый камень, не зная, куда его деть, а второй харкал куда не попадая.

В центре этой своры стоял сам Марек, упрямо скрестив руки на груди и вызывающе задрав подбородок. Заметив приближение Яна, он скривился, делая вид, что не замечает брата, но один из парней тут же кивнул на лукошко.

— Всё на побегушках, Ян-чик? Не стоптал ноги-то?

Ян остановился, не оборачиваясь, лукошко слегка качнулось, и несколько реп глухо стукнули о прутья. Он медленно повернул голову и задержался взглядом на мальчишке ровно настолько, чтобы тот ощутил себя неловко и замолчал:

— Тебе тринадцать годков, так? — тихо сказал Ян. — Шёл бы ты матери помог. Она одна всё тянет, а тебе хоть бы что.

Ухмылка мальчика быстро сползла с лица при упоминании матери, и он поспешно шагнул назад. Марек, стоявший в стороне, от этого зрелища разозлился ещё сильнее, шагнул вперёд и с силой пнул ком земли, который разлетелся на пыль,

задев сапог Яна.

— Мнишь себя лучше всех? Думаешь, мы и гроша ломаного не стоим?

Ян даже не шелохнулся, и в его глазах Марек увидел всё тот же знакомый укор и ту жалость, от которой всегда хотелось ударить брата по морде.

— Думаю, ты путаешься с теми, кого может забрать Лес, — сказал Ян тихо.

В ответ им была лишь тишина, прерываемая далёким скрипом телеги на соседней улице, которая укусила уши своей внезапностью. Марек же не сдвинулся с места, а лишь крепче сжал кулаки и сделал ещё один шаг вперёд.

— Не лезь ко мне, — прошипел он.

— Да больно надо. Ты сам себя давно с грязью смешал, Марек. Боюсь испачкаться, — ответил Ян, проходя мимо, но остановился на полпути, обернувшись. — Давно б пора умом обрасти, *Малёк*.

— Пасть закрой, ублюдок, — сквозь зубы выдавил Марек. — Не тебе меня судить.

— Так и не давай повода.

Приятели Марека, до того хранившие молчание, начали поспешно расходиться, не желая ввязываться в очередную ссору братьев — они переглядывались, неловко хлопали друг друга по плечам, и вскоре их шаги окончательно затихли по дороге к деревенской площади.

Марек остался один. Его грудь тяжело вздымалась от зло-

сти, а взгляд был намертво прикован к спине брата, почти дошедшего до дома. Он резко шагнул вперёд, грубо задел плечо Яна, обгоняя его.

— Лучше бы ты тогда утонул.

Ян лишь молча наклонился, подобрал выкатившуюся из лукошка репу и, аккуратно отряхнув её от пыли, не спеша последовал за ним в дом.

Дома пахло сухими травами, печной гарью и очередным нехитрым варевом матушки. Ян прошёл к низкому столу, за которым мать аккуратно перебирала засушенные целебные сборы.

— Зверобой сушишь? — тихо спросил он, стараясь улыбнуться.

Она подняла голову, и её усталые глаза мягко остановились на сыне.

— Спасибо, сыночка, — сказала она, кашлянув в рукав. — С ног сбилась, настойку варю... Лес жалуется, когда от чистого сердца подносят.

Ян кивнул, поставил лукошко у её ног и позволил матери привлечь себя к груди, пока Марек, застывший у порога, молча и хмуро наблюдал за ними. Когда мать ласково протянула руку и к нему, он лишь покачал головой, упрямо отступая спиной к стене.

Она болезненно дёрнула губой, но тут же улыбнулась, будто ничего не заметила.

— Марек, родной, помоги разобрать. Завтра ваш день, всё

нужно приготовить. Лес вас защитил.

В её голосе то и дело проскальзывала подспудная тревога, будто она и сама не до конца верила своим словам. Марек нехотя кивнул, подошёл к столу и начал перебирать репу, а Ян присоединился к нему, помогая складывать клубни в глиняную миску.

У очага сидел отец, низко сгорбившись над пустым ведром, что стояло у двери неммым укором реке, не дававшей рыбы уже который год. Его руки, некогда сильные и удалые, теперь заметно дрожали, и он то и дело потирал виски, словно отгонял навязчивую боль — Лес, иссушивший землю, будто высосал из него все внутренности, оставив лишь хриплый голос да впалые щёки.

— Лес то, лес сё... — пробормотал он, затем бросил взгляд на Марека. — А ты чего так долго? Опять с этой сворой шатался? Хоть бы чем полезным занялся, лодырь. Я тебе сколько раз говорил...

— Завтра колобков напеку, как вы любите, — перебила мать. — Надо отметить, что вы оба теперь в безопасности.

Отец открыл было рот, чтобы возразить, но тут же снаружи донёсся звук.

Шепот.

Похожий на змеиное шипение, он просачивался сквозь щели в стенах, проникал в каждую трещинку и заставил всех замереть на месте. Ян медленно повернулся к брату, и их взгляды встретились — его собственный оставался спокоен

и собран, тогда как глаза Марек расширились от страха, а руки задрожали.

— Почему... — мать, побледнев, прижала ладонь к груди.

— Обойдется всё, матушка, — Ян подошёл и обнял её.

— Да, да, — ответила она, чуть успокоившись. — Лес не гнушался моих даров. Всё непременно обойдется.

— Пошли, — пробормотал отец, с трудом поднимаясь и опираясь на клюку.

— Может, останешься? Свалишься по дороге, шагу не ступишь, — Марек поглядел на отца с неуверенностью. — А нам тебя на спине волочь.

— И гнить в избе под этот шёпот? — прокряхтел отец. Глаза его метнулись к двери. — Ещё чего. Лучше ползком обратно притащусь.

Отец вздохнул и добавил:

— Не раскисай. Ты, конечно, дурак дураком, но есть в деревне выродки и похуже твоего.

— От тех выродков хоть прок какой-то деревне есть, — пробормотал Марек себе под нос.

Шёпот теперь звучал повсюду, проникая сквозь щели в ставнях и в самую кожу, заставляя испуганных людей двигаться быстрее. Ян вышел на улицу первым, внимательно оглядывая толпу, за ним следовала мать, крепко вцепившись в его руку.

Отец и Марек шли позади, плечи их были напряжены. Отец кашлял, прикрывая рот рукавом, а его взгляд метался

от Леса к сыновьям. Матери крепко держали детей за руки, старики торопили молодых. Кто-то тихо всхлипывал, кто-то молчал, но все двигались в одном единственном направлении — к деревенской площади, где в темноте уже мерцали огни факелов.

Там, в круге света и теней, ждали старейшины — волхвы. Ян заметил в толпе женщину, тащившую за собой парнишку лет одиннадцати, который упирался, но не смел вырваться.

«Даже таких сопляков могут забрать», — промелькнуло у Яна.

Марек тоже увидел в толпе своих приятелей — тот, что насмеялся над Яном, теперь покорно шагал рядом с матерью, его лицо посерело, а руки нервно теребили кушак. Другой держался за старуху, которая безостановочно что-то нашептывала ему, пытаясь унять дрожь в пальцах. Они не смотрели на Марека, хотя тот находился всего в нескольких шагах от них. Он лишь сжал кулаки сильнее.

В центре площади, освещённые неровным светом факелов, стояли восемь волхвов в тяжёлых плащах. Их кольцо окружал толстый, потёртый холщовый мешок. Посередине застыла старуха, которую Ян узнал сразу: это была бабка того мальчика, которого он недавно отогнал от собаки. Рядом с ней стояла бабка Таиши — глава волхвов, Агата, доживавшая свои дни в Верхнем Яридине. Её взгляд, некогда тёплый к нему, теперь был хмурым и пустым, обращённым внутрь себя.

Толпа нарасталала, но никто не смел переступить черту, отделявшую их от круга волхвов. Матери сжимали руки сыновей, отцы застыли с каменными лицами. Мать Яна и Марека мёртвой хваткой вцепилась в запястье Марека, но сама не сводила испуганного взгляда со старухи в центре.

Никто не шевелился. Все взгляды были прикованы к волхвам, когда Агата медленно подняла голову, заставив толпу вздрогнуть одним этим движением:

— Шёпот стал громче, — произнесла она, и её взгляд зацепился за Яна. — Время пришло.

Шёпот, теперь уже человеческий, слился с лесным гулом; женщина неподалёку, прижимавшая к себе сына, начала бормотать молитву, а мужчина позади Яна едва слышно выдохнул:

— Слава Лесу, отмучаемся скоро.

— Люто прижало, — добавил второй, цокая языком. — Давненько такого не было.

Агата кивнула старухе, и та шагнула к мешку у своих ног. Морщинистая рука медленно погрузилась внутрь, и вся толпа затаила дыхание. Когда она выпрямилась, в её пальцах была зажата смятая бумажка.

Виноватый взгляд скользнул по Яну, по его матери, по отцу — но ни разу так и не остановился на Мареке. Бумага развернулась с колючим шорохом, и имя было произнесено:

— Марек, — выдохнула она. — Его избрал Лес.

Толпа впитала имя, звучавшее в тишине настолько ясно,

что от него сводило скулы. Мать пошатнулась, её пальцы судорожно впились в руку сына, а Марек замер, не издав ни звука, бледнея лицом среди застывших людей.

Вперёд шагнул другой волхв, отец Таиши и сын Агаты. Свет факела дрогнул, бросив на землю тени:

— Упокойся земля, — проговорил он. — И пусть жертва его нам жизнь дарует.

Хотя имя было названо лишь раз, казалось, каждый в эту секунду беззвучно повторил его про себя, как молитву.

Малёк

— Спорим, чудачка, не перескочишь по камням? — прищурился Марек. — Доберёшься до во-о-он того берега? Ну? Слабо?

Лада сидела в паре шагов от него на корточках, низко опустив голову. В ее пальцах, испачканных землей, были зажаты три плоских речных камешка, обточенных водой до идеальной гладкости. Она медленно подняла лицо. Яркие солнечные блики, дрожащие на воде, полоснули ее по глазам, заставив хитро прищуриться и выставить вперед подбородок.

— Дурак ты, Марек, — Лада фыркнула, бросая один из камешков под ноги. — На кой оно мне сдалось? Одежду мочить ради твоего хвастовства? Чего дашь за это?

— Ну-у... Семь жирных сазанов, — Марек протянул лениво, с плеском роняя свое грузное тело на траву и подпирая голову кулаком. — Сам их из верши вытащу, сам чешую сдеру, выпотрошу да за жарю на углях. Я вчера у костра целое ведро такой рыбы сожрал. Та-ак вкусно было, жир по подбородку тек, аж пальцы липли.

Лада задумалась. Ее взгляд медленно скользнул назад, в сторону дома, от темных стен которого круглый год несло густой сыростью свежего улова, потрохами и прогорклым дымом жареной рыбы. Отец Лады держал кузню, но в еде они редко видели разнообразие, в отличие от дома Марека.

— Семь сазанов и два крупных окуня, — произнесла она четко, глядя Мареку прямо в переносицу и не моргая.

— Чего-о-о? — Марек резко приподнялся на локте, его густые брови поползли вверх, на лоб. — Не жирно ли будет в одну харю столько рыбы сожрать? Пять сазанов, и хватит с тебя, девка. И так вон, землю под собой продавливаешь, скоро лавки в избе ломаться под тобой будут.

Лада, однако, даже не подумала смутиться или отступить. Она легко, одним движением выпрямилась во весь рост, с силой отряхнула ладони о грубую ткань своей длинной юбки. Посмотрев на Мареку сверху вниз, она упрямо вздернула подбородок, отчего две ее тугие косы качнулись за спиной.

— Три сазана, — отрезала она, делая шаг к самой воде, — но ты скачешь следом за мной. Али сам боишься? Языком-то молоть на сухом берегу всяк горазд, пока штаны сухие.

Марек уже открыл было рот, собираясь выдать очередную колкость, когда за их спинами негромко зашуршала высокая трава. Из-за густых ветвей, словно из-под земли, вышел Ян — высокий, но совсем щуплый мальчишка тринадцати лет. В его правой руке был накрепко зажат холщовый узелок, сквозь ткань которого уже проступали масляные пятна. Марек, мгновенно забыв о споре с Ладой, рванулся с земли на ноги.

— Ты чего так долго, Я-я-янчик? — он широко, во все зубы улыбнулся и с размаху хлопнул брата ладонью по плечу, отчего тот чуть не выронил узелок. — Полдня тебя тут ждём!

Лада мне уже всю плешь проела своими разговорами, а сам тащишься еле-еле, как хромая кобыла.

— Сказал же, не называть меня так, — буркнул Ян, дернув плечом и спешно отступая на шаг. Его взгляд на секунду задержался на Ладе, и его бледные щеки от этого короткого прикосновения глаз едва заметно порозовели.

Он поспешно, путаясь в узлах, развязал холстину. Сладковатый запах свежей выпечки, еще теплой, с поджаристой хрустящей корочкой, тут же вырвался наружу и приятно кольнул их носы.

— Матушка вдогонку сунула, еле от нее вырвался, — Ян протянул одну круглую булку Мареку.

Вместе, перешагивая через сухие сучья, братья подошли к Ладе, и вторая, еще дышащая жаром булка досталась ей. Лада молча переломила ее пополам, обнажив белый, пористый мякиш.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросил Ян, жуя кусок и глядя на реку.

Марек с набитым ртом ткнул пальцем в сторону противоположного берега, где из воды торчали спины валунов.

— Твоя Ладочка мнит себя проворней всех. Решила по камням туда-сюда скакать, как жук.

— Ты же сам это предложил! — возмутилась Лада, резко повернувшись к нему. От неожиданности она чуть не подавилась крошками и мелко закашлялась, прижимая ладонь к горлу.

Ян нахмурился. Он перевел взгляд с ухмыляющегося Марека на Ладу, которая упрямо скрестила руки на груди, поверх старого фартука, а затем повернулся к речному потоку. Вода в этом месте грозно разбивалась в белую пену о сколотые края гранитных глыб.

Марек сделал два шага вперед, присел у самой кромки и поднял с земли длинную ветку, толщиной в палец. С хрустом переломив ее напополам, он с силой швырнул обрубок в самую середину бурлящей струи между первыми двумя камнями.

Все трое замерли, провожая деревяшку глазами. Вода мгновенно подмяла сук под себя, крутанула в водовороте и с бешеной скоростью утащила вниз по течению, с размаху ударив о скрытый под пеной валун. Дерево треснуло и исчезло в белом буруне.

Мелкие, ледяные брызги, сорванные ветром с речных гребней, крупными каплями обсыпали лица ребят. Марек утер щеку ладонью, Лада даже не шелохнулась. Она сделала шаг вперед, выставив босую ногу. Пальцами правой ноги она скребанула по ближнему плоскому валуну, счищая с него слизь, чтобы нога не поехала при первом же толчке.

Речной шум стоял такой, что разговор полностью тонул в рокоте. Чтобы услышать друг друга, им приходилось кричать во весь голос, наклоняясь головами друг к другу так близко, что волосы Лады задевали лицо Марека.

— Дурная это затея! — крикнул Ян, дергая брата за рукав

рубахи и мотая головой. — Слышишь, как шумит? Вода сегодня поднялась, слишком быстрая.

Марек лишь широко закатил глаза и с силой вырвал свой рукав из пальцев брата.

— Да сто раз так делали, Янчик! — перекрикивая гул, отмахнулся он, ухмыляясь. — Не трусь ты! Садись лучше вон туда, под иву, булки наши береги, пока мы развлекаемся.

Ян помедлил, переводя взгляд с одного на другого, но все же нехотя кивнул. Спорить, как обычно, не было смысла — они всегда все делают по-своему. Он опустил на сухую траву у дерева, отдавая все свое внимание только реке. Марек и Лада уже стояли у самой воды, обмениваясь короткими взглядами, да ухмылками.

Лада шагнула первой. Мышцы ее заметно напряглись. Она оттолкнулась от берега, и ее босая ступня со шлепком опустилась на первый мокрый валун. Камень был скользким; пятка Лады на долю секунды поехала вбок, высекая мелкие брызги, но она удержала равновесие, резко взмахнув руками.

Марек двинулся следом за ней, его движения были более размашистыми. Холодная вода с силой хлестала их обоих по щиколоткам, оставляя на бледной коже красные ледяные следы. Ветер яростно трепал длинные, уже распустившиеся волосы Лады. Одной рукой она то и дело прижимала пряди к лицу, убирая их со лба, чтобы мокрые волосы не лезли в глаза и не мешали видеть куда прыгать дальше.

Они двигались вперед, прыжок за прыжком, тяжело ды-

ша и выкрикивая бессмысленные слова, стараясь перекрыть нарастающий водяной гул. Ян на берегу напряженно кусал хлеб, его челюсти ходили ходуном, но взгляда от спины Лады он не отрывал ни на миг.

Мысль о том, что с головы Лады упадёт хоть волос, не давала ему до конца насладиться выпечкой. Они дружили с самого детства — так давно, что в Яридине уже никто и не помнил, с какого именно дня или лета начался этот общий бег по перелескам. Кажись, их тогда познакомил старший брат Лады, Ярек. Их отец держал кузню, где Ян и Марек частенько помогали по вечерам — таскали тяжелый уголь, качали кожаные мехи в обмен на новые рыбацкие инструменты для отца: длинные кованые удочки, железные мотыги, а в самые удачные дни — прочные ножи для чистки рыбы.

Лада достигла середины реки и задержалась на широком плоском камне. Повернувшись к Мареку, она хитро подмигнула.

— Ну что, малёк? — закричала она, округляя рот и с трудом перекрывая грохот реки. — До посинения мне тут тебя ждать? Или обратно на берег поползешь к матушке под юбку?

Марек хрипло рассмеялся, его лицо покраснело от ветра, и он тут же ускорился, перескакивая через узкую расщелину между валунами. Достигнув того же центрального камня, он с размаху приземлился рядом, тяжело дыша.

— Я же говорил, всё будет хорошо! — выкрикнул он, ма-

хая руками, чтобы Янчик обязательно увидел.

Но его крик, звонкий и победный, мгновенно потонул в рокоте воды. Правая босая нога Марека, наступив на самый край, облепленный речным мхом, сорвалась.

— Марек! — Лада вскрикнула, поддавшись вперед.

Пытаясь удержать свое тело от падения, Марек вслепую выкинул руки и со всей силы вцепился пальцами в ткань ее серого платья.

— Пусти, дурак! — Лада рванулась в сторону, ее пальцы заскребли по воздуху. — Утянешь же! Я ж сейчас...

Они оба пошатнулись на самом краю камня. Марек, кряхтя, сумел выпрямить спину, широко развел руки в стороны и с трудом удержал равновесие, оставшись на камне. Лада же выпрямиться не успела.

Пальцы Марека соскользнули, и ее тело с размаху сорвалось вниз, рухнув спиной прямо в бурлящий поток.

Ее короткий крик тут же захлебнулся, когда ледяная вода с размаху хлынула ей в открытый рот. Лада вынырнула через секунду чуть ниже по течению, ее побелевшие пальцы вцепились в покрытый тиной край соседнего валуна. Платье, мгновенно пропитавшись водой насквозь, потяжелело втрое и камнем утягивало ее на дно, расплываясь в воде огромным темным пятном. Течение с глухим ревом било ей в грудь, пытаясь сорвать пальцы.

Марек замер. Его лицо, еще секунду назад бывшее багровым от бега и смеха, в один миг стало белым, сравнив-

шись цветом с речной пеной. Его глаза расширились, а пальцы обеих рук впились в собственные волосы на затылке, сжимая их до боли.

— Янчик! — выплевывая грязную пену, крикнула Лада, ее голова снова ушла под воду.

Ян вскочил на ноги у дерева так быстро, что его недоеденная булка отлетела далеко в сторону, рассыпав по сухой траве мелкие, уже успевшие остыть крошки. Звон в ушах сковал его голову, и прежде чем он успел хоть что-то осознать, с его сухих губ сорвался визг:

— Марек! Хватай её! Руку! Руку ей дай, дурак!

Он яростно указывал пальцем на Ладу, которую речной поток, несмотря на все усилия ее ног, уже отрывал от скользкого камня. Марек качнулся, и после не сделал ни единого движения вперед. Он просто стоял и смотрел, как Лада медленно скрывается под набегающей волной.

— Нет, Марек! Стой! Сорвёшься! — Ян заорал снова, видя, как брат качнулся. — Стой на месте! Не смей прыгать!

Марек словно врос босыми ступнями в камень. Его губы беззвучно, быстро шевелились, а глаза были намертво прикованы к тому месту, где только что из воды торчали тонкие пальцы Лады.

Тогда Ян одним движением сорвал со своих плеч мокрую от пота рубаху, швырнул ее под ноги и, не сводя глаз с уносимого течением серого пятна, рванулся бегом вдоль берега. Его босые ноги скользили по мокрой траве, пальцы то и дело

втыкались в прибрежную землю.

Он не видел и не слышал ничего вокруг, кроме этого темного пятна в пене, которое с каждой секундой становилось все меньше и меньше, пока окончательно не растворилось в речном потоке у дальнего поворота. Пробежав до того места, где русло реки становилось шире, а течение теряло свою дикую скорость, Ян до хрипа в легких, выкрикнул:

— Ладочка!

Не позволив себе ни секунды на раздумья, он ринулся в воду. Колючий холод мгновенно обжег его кожу с головы до ног, сильным толчком вышибая все дыхание из груди. Стиснув зубы до треска, Ян зажал нос двумя пальцами и ушел с головой под воду. Стиснув зубы, он снова и снова уходил под воду в слепой надежде нащупать в этой мути хоть что-то — пусть даже краешек одежды.

Он выныривал на поверхность, со свистом хватал ртом воздух, с его мокрых губ и подбородка непрерывной струйкой стекала грязная вода. Он снова и снова погружался вниз. В какой-то момент его пальцы наткнулись на что-то тяжелое и длинное. Ян со всей силы рванул это на себя, выпрямился, выныривая по грудь, но в его руках оказалась лишь скользкая охапка речных водорослей. Водоросли тут же соскользнули с его мокрых пальцев обратно в реку. Ян тяжело закашлялся.

Ладочки не было.

В конце концов, Ян медленно выбрался ползком на берег.

Он тяжело, со всхлипами дышал через рот, его тело крупно выкручивала дрожь от холода. С мокрых волос потоками стекала речная вода, заливая глаза и мешая смотреть. Он рухнул коленями на землю.

С трудом подняв голову, он грязной ладонью с силой вытер лицо, смахивая воду вперемешку со слезами, и устоялся назад, на тот далекий камень посреди реки, где оставил брата.

Камень был пуст.

У Яна вновь перехватило дыхание, в горле встал сухой комок. Его взгляд в панике забегал по бурлящей воде, по камышам, по берегу, по безразличным высоким деревьям.

— Марек! — закричал он, но голос сорвался на сип.

Спотыкаясь на ослабевших, онемевших от холода ногах, он подбежал к самой кромке воды и, хватаясь руками за мокрую голову, еще раз взгляделся в течение. На камне не осталось ничего, кроме мокрого следа.

— Нет, нет, нет... — шептал он, пятясь назад.

Он бросился к одежде, натянул на мокрое, липкое тело рубаху и штаны. Мокрая ткань тут же неприятно прилипла к коже, сковывая движения. Ян развернулся и понёсся в сторону деревни что есть сил.

Мокрые штаны при каждом шаге с силой натирали кожу на бедрах до кроваво-красных полос. На бегу он с размаху наступил босой ногой на острый, колотый камешек, лицо его исказилось, но он не остановился ни на миг. Густые ветви с

размаху хлестали его по лицу, оставляя на щеках и лбу длинные красные царапины.

В какой-то момент он сильно споткнулся о вылезший из земли корень дуба, с размаху полетел лицом вперед и упал на колени, ободрав кожу на чашечках до крови. Но он тут же, не задерживаясь, с силой оттолкнулся грязными руками от сырой земли, поднялся и побежал дальше, гонимый одним: *я потерял не одного, а двоих.*

Внутри их дома привычно, мирно пахло свежесвепеченным хлебом, сухим укропом и варевом из матушкиных лесных трав. Ян с ходу ввалился в дверь, тяжело хватаясь обеими руками за косяк и оставляя на сухой древесине темные пятна от пальцев.

Мать сидела на низком табурете у самого очага, в ее подоле лежал пышный пучок душистой сушеной мяты.

— Прости меня, матушка, я... Марек... — Ян выдавил это с трудом, его челюсть мелко дрожала, а глаза были совсем красными.

Она нахмурилась, ее загрубевшие пальцы так и замерли в воздухе над разложенными зелеными стеблями.

— Чего Марек-то? Во дворе он, где ж ему еще быть, — неуверенно произнесла она, внимательно разглядывая дрожащего сына. — Что с тобой стряслось, Янчик? Почему мокрый-то весь? Опять прыгали с головой?

Ян ничего не ответил. Он всем телом развернулся на пятках и выскочил во двор, тяжело топая босыми ногами по по-

ловицам крыльца.

Марек стоял у самого забора на заднем дворе. Он неподвижно глядел прямо перед собой — туда, где три курицы лениво клевали из корыта сырое зерно. Марек медленно ковырял ногтем указательного пальца глубокую острую щепку в доске забора, пока под ногтем не выступила и густо не потекла темная капля крови. Он часто, нервно моргал, но взгляда от куриного корыта не отводил.

Ян подбежал к нему вплотную и с силой вцепился пальцами в ворот его рубахи, заставляя брата развернуться к себе лицом.

— Ты цел? — выдохнул Ян прямо ему в лицо, вглядываясь в бледные черты. — Братик... как же я рад, что ты цел!

Марек не ответил.

— Я так и не нашёл, — Ян всхлипнул, быстро вытирая нос и подступающие слезы грязным рукавом. — Ты сказал матушке? Почему никто на берег не бежит? Ты позвал кого? Встретил по пути? — он резко встрепенулся, его пальцы сжались еще сильнее. — На кой ты вообще вылез?! А если б ты сам там утонул, дурак?!

Марек наконец медленно повернул к нему голову. Его лицо было бледным, как березовая кора. Он медленно, по одному пальцу, начал разжимать свои сведенные кулаки, обнажая глубокие багровые вмятины на ладонях. Губы его зашевелились, и он едва слышно, сипло пробормотал:

— Я... струсил.

— Что?.. — Ян не сразу осознал смысл услышанных слов.

— О чем ты говоришь, Марек?

Он почувствовал, как его желудок внутри резко скрутило тугим узлом, а в глазах больно зарябило от подступившей к голове крови.

— Ты... ты ничего ей не сказал?! — заорал Ян во весь голос и с размаху, обеими руками толкнул Марека в грудь, отчего тот сильно ударился спиной о доски забора. — Ты... Трус поганый! Придурок и бестолковый болван!

Ян резко развернулся и бросился обратно в дом. Крик о помощи, сорвавшийся с его мальчишеских губ на пороге, был таким пронзительным, что, казалось, прошелся дрожью по коже каждого жителя Яридина, находившегося в тот час снаружи.

Марек лишь молча отвернулся обратно к забору, продолжая смотреть на кур.

Спустя неделю тело Ладочки прибило к берегу ниже по течению. Мать её, сломленная горем, которое уже ничто не могло утолить, молча ушла в чащу Леса и не вернулась. Нашёл её там на следующий день старший сын, Ярек.

Выбор. Часть 2

Марек сидел на краю узкой дубовой лавки, высоко подтянув колени к самому подбородку. Побелевшая кожа на его правой руке мелко покрылась дрожью, частые мурашки быстро забежали от запястья вверх, к широкому плечу. Сквозь проконопаченные сухим мхом щели между нижними бревнами стены упрямо пробивался зудящий шёпот Леса, с силой давя на уши.

— Я... пойду, — выдохнул Марек, облизывая пересохшие губы.

Отец рывком вскинул облысевшую голову. Его пальцы с такой силой вжались в гладкую рукоять старой клюки, что вся его морщинистая рука крупно задрожала вместе с потемневшим деревом.

— Цыц, паршивец, — кадык дернулся на его худой, жилистой шее, обтянутой дряблой кожей. — До первых петухов еще есть время. Скумекаем чего на дворе. Обязательно скумекаем, не впервой.

— Чего тут кумекать-то? — Марек резко опустил ноги на пол. — Лес выбрал меня. Я...

— Ошибка это, ошибка! — взвизгнула мать, вскакивая с места. — Я-я должна была... должна была больше даров сносить, просить на коленях лучше, чище, больше...

Раздавшиеся матушкины истошные крики все еще цара-

пали уши каждого, кто в этот поздний час оставался стоять на темной площади деревни. Ян молча смотрел на сгорбленные, худые плечи матери, на ее дрожащие пальцы, которые быстро теребили обтрепанный край головного платка. В его горле встал кислый, обжигающий ком желчи — во взглядах расходившихся по домам деревенщин кололась уродливая правда:

«Хвала Лесу, не мой сын. Шестнадцать зим мы в безопасности».

Матушка слишком хорошо помнила косые взгляды в день, когда родила на свет двух слабых близнецов — как раз в первые дни той осени, когда Лес в прошлый раз забрал к себе юношу из Верхнего Яридина, мать которого разрешила ей родить в их бане. Тогда все соседи угрюмо молчали при встрече, но в глазах каждого из них открыто читалось: *не повезло же тебе, бедная, родить мальчиков*. И тогда она со слезами на глазах поклялась, что ни за что на свете не допустит их к Выбору.

Ян же помнил совсем другое. То, как матушка уходила каждым утром из избы, крепко держа в руках сплетенное из ивовых прутьев лукошко, и возвращалась назад лишь к позднему вечеру — с совершенно пустыми руками, в лесной грязи по самые локти, с глубоко исцарапанными в кровь ладонями. Окровавленные тушки пойманных рябчиков, сладкие ягоды, выкопанные добротные коренья — все это она каждый день несла к лесной опушке, громко крича в пустоту вет-

вей, вымаливая их безопасность. И он, будучи еще совсем глупым ребенком, наивно и слепо верил, что эти матушкины скудные дары действительно помогут удержать Лес.

Теперь откупаться было нечем. Пять пустых, поломанных лукошек сиротливо жались по углам избы у печи, лишая мать ее последней опоры.

Вся недолгая дорога назад, от площади к их избушке, тянулась под протяжные стоны обессиленной матушки. Глядя на покорную походку идущего впереди брата, Ян ловил себя лишь на изнуряющей дурноте.

В какой-то момент колени матери подогнулись прямо посреди тропы. Она боком повалилась не на сухую траву, а в грязь у соседского забора. Ян резко шагнул вперед, подхватил ее под мышки и потянул вверх. Под его ладонями плечи матери показались легкими, острые ключицы выпирали сквозь поношенную ткань платья.

Кое-как добравшись до крыльца и ввалившись в сени, Ян осторожно протянул руку, чтобы коснуться холодных пальцев матери, лежавших на коленях.

— Я поговорю со старейшинами, — глухо произнес он, глядя на ее мокрые щеки. — Схожу к Таише, и...

Мать резко дёрнулась всем телом, вырывая руку.

— Ополоумел совсем, щенок? — она тяжело задышала, вытирая грязное лицо ладонью. — Голова тебе на плечах на кой дана? Горшки за старыми бабками таскать? Лес никакой подмены не стерпит! Мнишь, первый такой умник во всем

Яридине сыскался?

— Да бред это всё, матушка! — Ян с силой сжал кулаки.

— Ещё один дурень на мою седую голову! — отец, подняв с пола свою клюку, с силой ударил о половицу. — Жизнь наша проклятая, собачья — вот где бред настоящий! В гнили этой сидим, и ни одному из нас отсюда не вырваться. А коли слеп ты до сих пор, так я сам тебе эту правду в твою башку дурную сейчас вколочу!

— Не всё ли равно теперь, — Марек криво усмехнулся.

Он шагнул к двери.

— Вы тут не убивайтесь шибко по мне. — Марек до крови прикусил изнутри свою нижнюю губу, сдерживая рвущийся наружу детский шепот. — Я там сам как-нибудь слажу.

Ян взмолился про себя, всем видом показывая ему: «Молчи, дурак. Не делай им ещё больше».

Но было поздно.

Мать резким движением смахнула со стола глиняные миски и пучки сухих трав. Посуда с грохотом упала на пол, а в ноздри пришелся запах полыни. Её губы беззвучно зашептали — она молилась самому Лесу, что уже перестал их слышать. А может, и не слышал вовсе. Отец пытался её удержать, но сам едва держался на ногах, сотрясаясь от хриплого кашля и опираясь на клюку, ставшую ему третьей, дрожащей ногой.

Не в силах больше выносить этого, Марек быстро выскользнул наружу, на темное крыльцо. И через мгновение,

не глядя на родителей, за ним тенью последовал Ян, плотно притворив за собой дверь.

На улице уже вовсю хозяйничал поздний осенний холод. Из рта Марека при каждом выдохе вырывались клубы пара, которые тут же яростно рвал и уносил в темноту ночной ветер. Он стоял, глубоко вобрав голову в плечи и намертво уставившись глазами в небо, где на самом краю уже едва заметно проступала бледная полоска грядущей зари.

— Всегда в тебе смелости больше было, — проговорил Марек, не оборачиваясь на звук шагов, упрямо глядя вверх. — Что тогда за Ладочкой без раздумий сиганул, что сейчас... шаг в шаг за мной идешь. А я... трус я, Янчик. Даже уйти нормально не могу. Всё только порчу кругом.

Ян подошел к нему вплотную сбоку, закрывая своим телом сгорбленную спину брата от летящего с Леса ветра.

— Мне тоже было страшно тогда. И сейчас страшно.

— Нет... — Марек упрямо качнул головой, его зубы громко застучали от холода. — Всё правильно теперь выходит. Так оно и должно быть. Поделом мне за все. Всю свою жизнь ровно к этому дню и шел. Вот уж как есть — болван я и оборванец.

— Не надо так, — отрезал Ян. — Никакой ты не болван. Болван Лес и глупая ведьма.

— Присмотри за матерью, а? — проигнорировал Марек. — Она и так еле держится...

— Хватит уже ерунду нести. — Ян сжал его плечо. — Иди

внутри. Просто посидим. До утра ещё есть время.

Уголок губ Марека дернулся в кривой усмешке. Он резко повернул лицо, и в свете грядущего утра Ян увидел две мокрые дорожки, прочертившие грязные щеки брата.

— Не серчай на меня, Янчик, — мелко шмыгая носом, произнес Марек. — Я... я ведь завидовал тебе все эти годы. Сильно завидовал тому, что ты... что ты даже если падал в грязь, то падал достойнее. А я даже не пытался никогда быть достойным.

Он выдохнул.

— Наверное, я даже рад, что Лес выбрал меня, а не тебя.

— Не мели ты чушь собачью! — резко бросил Ян, перехватывая его за второе плечо.

— Хоть раз в жизни на какое-то стоящее дело сгожусь. Деревню спасу.

— Оглох ты, что ли, придурок? — Ян встряхнул его тело еще сильнее, уже совершенно не сдерживая своей силы. — К матери в избу иди, кому говорю! Я сейчас к Таише сбегая. Уж меня-то она выслушает.

— Да уймись ты! — Марек вдруг сорвался на крик, но тут же испуганно осекся и добавил тихо: — В глаза я им больше смотреть не могу, неужто тебе, дурню, не ясно... Сам во всем виноват, что так вышло. Надо просто уйти сейчас, чтобы матушка...

Ян всем весом своего тела шагнул вперед, обхватил брата за плечи и с силой прижал к своей груди, не давая тому ни

единой возможности повернуться или вырваться. Марек в этот раз отталкивать его не стал. Он лишь глубже вжал подбородок в плечо брата и устоялся в землю у своих ног.

— Дрянной из меня брат во всем вышел, — выдавил Марек сквозь сжатые зубы. — Прости меня, Янчик. Сколько ж я всего... мы всего...

Крепко прислонив свой горячий лоб к его холодному, Ян на секунду закрыл глаза. Затем он резко отстранился на длину рук, посмотрел брату прямо в глаза — и вдруг мягко, совсем как в детстве, улыбнулся. Марек перехватил этот странный взгляд, его плечи на секунду расслабились.

— Нет на мне никакого зла на тебя, — уверенно произнес Ян, его голос стал спокойным, ласковым. — И не было отродясь, запомни это. Прав был отец всё же, что ты болван редкий, раз до сих пор этого не понял.

Марек облегченно, полной грудью вздохнул, его тело обмякло, теряя последнее напряжение.

— А ты... — тихо добавил Ян, и его пальцы снова хваткой впились в ткань рубахи на груди. — Ты просто стой на месте. И не беги за мной.

Ян мгновенно перенес весь вес своего тела на правую ногу. Его кулак с замахом встретился прямо с челюстью Марекка. Колени подогнулись, и он плашмя рухнул спиной в землю, поднимая вокруг себя небольшое облако пыли.

Ян, даже не дожидаясь, пока тело брата окончательно затихнет на земле, круто развернулся на пятках в сторону Ле-

са.

— Ян! — дикий крик Марека раздался сзади уже через полминуты.

Марек, шатаясь и сплевывая кровь из разбитой губы, с трудом поднялся на карачки, а затем, точно подкошенный лесной зверь, рванулся следом в погоню.

Деревня мелькала в его глазах грязными обрывками стен, покосившихся крыш и заплывающих дымом ночных факелов. На бегу Марек со всего маху врезался правым плечом в подгнивший соседский забор. Его легкие уже горели изнутри огнем от воздуха, он зашелся в такой кашле, что его тело на бегу согнуло пополам, но он упрямо продолжал бежать.

Перепрыгивая через широкую сточную канаву на краю, он зацепился носком сапога за толстый оголенный корень дерева. Марек с размаху полетел вперед и упал грудью прямо в застойную воду на дне канавы. Не задерживаясь ни на секунду, он тут же бешено оттолкнулся обеими руками от скользкого дна, в кровь раздирая кожу на ладонях о колотые острые камни.

— Не смей, Ян! — снова крикнул он вперед, в темноту. — Век тебя проклинать буду! До самой гробовой доски, слышишь меня?!

Ян ни разу не обернулся на его крик.

Его силуэт быстро мелькал между последними деревенскими избами, то полностью пропадая в густой черной тени сараев, то снова выныривая в умирающем свете догорающих

факелов.

Марек перемахнул через низкую изгородь последнего огорода, его горло сильно ссаднило от подступающей крови, но шаг он не сбавлял. Частые крупные слезы катились по его лицу, сдуваемые встречным ветром, который уже нес в себе противный запах хвои.

— Ян! — прохрипел Марек, вытягивая вперед руку с окровавленной ладонью.

Ян, оказавшись у самой кромки, где вытоптанная ногами земля деревни резко сменялась влажным зеленым мхом, на секунду замедлил свой бег, но не остановился полностью. На одно короткое мгновение он повернул голову назад.

— За матерью лучше гляди, слышь?! — долетел его крик. — Стань человеком наконец, Марек! Чтобы Выбор мой ни за что даром не пропал!

Марек уклонялся от низко висящих веток и перепрыгивал через корни, что извивались из земли. Деревня осталась позади, и теперь только Лес смотрел на них сотнями невидимых глаз.

— Янчик, пожалуйста, — Марек всхлипнул. — Только не ты...

И тогда Лес раскрыл свои объятия. Ветви, до того сплетённые в непроницаемую стену, с тихим скрипом медленно раздвинулись, открывая узкий тёмный проход, похожий на глотку. Ян, не останавливаясь, даже не замедляя бег, нырнул в эту щель. Живая, густая тьма мгновенно поглотила его.

Марек, уже на пределе сил, сделал последний рывок и протянул руку — он почти коснулся дрогнувшего плеча брата. Но в тот же миг ветви сомкнулись с треском. Его пальцы схватили лишь пустоту, а перед самым лицом выросла крепкая стена из переплетённых сучьев.

Шёпот стих.

Лес снова принял свою жертву.

Лес

Лес со скрипом сомкнулся за спиной Яна, отрезая последний путь назад. Он проморгался раз, второй, третий, но темнота вокруг оставалась плотной, осязаемой. Ни единого про света, только пугающий шорох собственных шагов по мшистой земле настойчиво бил в уши.

Пальцы нащупали твердость древесной коры, и от этого ощущения в груди становилось чуть спокойнее — он всё ещё мог чувствовать. А значит, вопреки всему, был жив.

Ян шагнул вперед, слепо выставив перед собой руки в кромешную тьму. Жесткие ветви наотмашь хлестали по ладоням, оставляя глубокие, жгучие царапины, но он не останавливался. Лесной шёпот вёл его, окружал со всех сторон — сухой, колючий, заставляющий идти наугад, ориентироваться лишь на этот вкрадчивый звук.

Каждый шаг давался с огромным трудом, будто сырая земля под ногами была живой и неохотно, с сопротивлением уступала ему дорогу.

Я поступил правильно. Должен был поступить правильно.

Они будут жить.

Коли Лес получил свою жертву.

Значит деревня спасена.

Он двигался вперёд, упрямо стиснув зубы, одержимый

этим отчаянным порывом. Но следом за волной решимости неизбежно накатывал страх. Что это, если не безрассудство? Что, если Лес все-таки не примет подмену, раскроет обман, и тогда его ярость обрушится на их дом с двойной силой?

Мысли продолжали крутиться в голове, не давая покоя и вытягивая последние силы. Ян представил замершую над пучками трав мать, пустое место за обеденным столом, застывшее лицо отца. А потом — Марека, которого этот страшный обман всё равно мог не спасти.

Остановившись на мгновение, он уперся ладонью в шершавый, сочащийся влагой ствол, чтобы перевести дух, и заставил себя вдохнуть глубже хвойный воздух.

— Верно я всё сделал, — выдохнул он в темноту.

Слова его мгновенно сдались шёпоту Леса, растворились в нём и стали его крошечной, послушной частью.

Шёпот сделался ближе, обступил со всех сторон. Слова в нем по-прежнему оставались смутными, неразличимыми, но сам ритм изменился — стал более рваным, жадным. Ян двинулся снова, с силой раздвигая сплетённые ветви. Те сухо цеплялись за рубаху, оставляя на ткани длинные затяжки. Шаги становились увереннее, хоть живот всё ещё сводило тоскливой болью.

И тогда темнота ушла.

Сначала возникли едва заметные искры — они замерцали где-то далеко впереди между деревьями. Затем начали множиться, вспыхивая одна за другой, и вскоре массивные ство-

лы выступили из мрака в голубоватом свечении.

Огоньки неподвижно висели прямо на ветвях, освещая узкую, заросшую тропинку. Ян замер, вглядываясь в их сияние, и почувствовал, как от этого света странно немеют кончики пальцев.

— *Приш-ш-шёл...* — прошипело прямо в ухо, так близко, что холод коснулся шеи.

Он резко дёрнул головой, отшатнулся в сторону, но позади лишь безмолвно покачивались еловые лапы.

— Кто тут? — собственный голос сорвался на сип и тут же впитался в мох.

— *Глуе-е-е-ец...* — зашелестело уже с разных сторон, протяжно и скрипуче. — *Глуе-е-е-ец... пришёл на зов...*

Ян поднял голову, сердито отвёл в сторону ветвь, которая снова наотмашь хлестнула его по щеке.

— *Лиц-ц-цо одно...* — просочилось слева.

— *Но не то-о-о...* — подхватили справа.

Он стиснул кулаки.

— Пришёл я! Чего вы хотите?!

— *Мы ле-е-ес-с-с...* — прошелестело сзади. Звук растянулся на несколько секунд.

— *Ты ле-е-ес-с-с...* — подхватили спереди.

— *Мы с-с-сме-ертть...*

— *Ты с-с-сме-ертть...* — повторили они хором.

Ян рванул вперёд, ломая ветви, что цеплялись за рукава, разрывали ткань и болью впивались в предплечья. Он бежал,

переставляя ноги вслепую. Стволы смыкались всё плотнее, толкая его в единственный свободный проход.

— *Назови-и-и...* — голоса сплелись в сплошной, давящий на уши гул. — *Назови-и-и... с-своё и-и-мя...*

— Прочь! — выкрикнул Ян, останавливаясь и сжимая голову ладонями. — Прочь из моей башки!

Всё вокруг тут же смолкло. Шёпот оборвался в один миг, голубоватые огоньки замерли, но не потухли. Ян шумно выдохнул, чувствуя, как резкая боль под ребрами постепенно начинает отпускать.

Он стоял, крепко обхватив левую руку правой; пальцы до синяков впивались в запястье, где кожа горела от свежих царапин. Осторожно шагнул вперёд, прислушиваясь к собственному неровному дыханию. Ветви, что ещё недавно рвали рубаху, теперь просто застыли в стороны безжизненными кольями.

— *Ступа-а-ай...*

Шёпот вновь поплыл за ним. Но теперь он звучал тише.

— *Я-я-ян...*

Он лез в голову, отзываясь пустотой в животе. Но эта же пустота гнала Яна вперёд.

— *По-о-опла-а-атиш-шься...* — прошелестело где-то совсем рядом.

— *То-о-очно-о-о...* — подхватили другие голоса, словно эхо.

— *Сги-и-инешь за него... за бра-а-ата...*

С каждым его шагом деревья заметно редели, а жуткие голоса отставали — теперь они звучали глухо, будто доносились из-под толщи воды. Ян, спотыкаясь о выпирающие корни, рванулся вперёд, к просвету. Последняя преграда с хрустом подломилась под его напором, и, потеряв равновесие, он рухнул лицом в густую, пахнущую сладким соком поросль.

Ян тяжело поднялся на локтях, в горле неприятно першило от сбитого дыхания. Он обернулся: деревья позади сгруппировались в сплошную стену, густо усыпанную голубыми точками. Они пульсировали, вспыхивая и угасая в такт его бешеному пульсу.

— *Иди-и-и...* — прошелестел шёпот, теперь уже не из головы, а прямо из самих огоньков. — *Не-е-ет пути-и-и на-за-а-ад...*

Ян дернулся от неожиданности и тут же поспешно отполз назад, глубоко вмянаясь в траву. Огоньки не двигались за ним — они замерли на самой границе, четко очерчивая линию, которую он только что пересёк. Их шёпот сливался с тихим шорохом хвои, но всё ещё слабо доносился до слуха:

— *Ты-ы-ы... с-с-сде-е-елал Вы-ыбор...*

Он полз спиной вперёд, пока стебли растений не сменились голой, плотной землей. Только тогда Ян замер, тяжело дыша, и наконец поднял взгляд.

Перед ним раскинулась огромная поляна странных цветов, залитая ровным свечением. Оно шло не сверху — там,

над головой, нависала всё та же глухая чернота, — а словно сочилось из самой почвы. Свет был молочно-голубоватым, отчего всё вокруг казалось плоским, лишённым всякой тени.

Стебли крупных бутонов едва заметно покачивались, хотя воздух над поляной стоял неподвижный. От этого движения к горлу подкатила душная тошнота.

Он медленно, тяжело опираясь на подкашивающиеся руки, поднялся на ноги. В коленях не было силы. Взгляд лихорадочно шарил по светящимся лепесткам, безуспешно пытаюсь зацепиться хоть за один знакомый куст или привычный камень. Почва под сапогами чавкнула. Ян провёл тыльной стороной ладони по лицу, растирая смешанный с грязью пот.

Вдалеке, у самого края этой поляны, стоял дом. Низкий, приземистый, по самую деревянную крышу заросший плотным слоем мха. Он был сложен из толстых брёвен, а вместо окон зияли черные провалы. Дом стоял так, точно был естественным порождением этой поляны. Ее сердцем.

В горле пересохло. Всё внутри него требовало немедленно развернуться и бежать прочь без оглядки, но какая-то большая тяга неодолимо тащила его прямо к этим старым бревнам.

Он шагнул вперед. В тот же миг стебли под сапогами хрустнули, упруго пружиня под весом тела. Холодный молочный свет на мгновение мигнул, и по светящейся земле беззвучно метнулись длинные темные полосы теней.

Ян стиснул зубы, пытаясь унять дрожь; его взгляд прики-

пел к бревенчатому срубу. И тут у самой стены дома что-то мелькнуло. Ян весь напрягся, подавшись вперед. Чья-то невысокая фигура юркнула прямо в черноту дверного проёма.

Он не успел её как следует рассмотреть, но внутри всё сжалось, а на языке мгновенно осела едкая полынная горечь. Он моргнул, и на секунду вся бревенчатая кладка перед ним смазалась, странно потекла вниз, а затем с тихим хрустом снова встала на место.

Ян сделал ещё шаг, потом ещё один и еще. Стебли под подошвами зачавкали громче, отчетливее, а справа раздался резкий треск. Он испуганно обернулся.

Пусто.

Пот снова выступил на лбу. Капли потекли за воротник; Ян вытер лицо грязным рукавом, но под рубахой всё равно было мокро и душно.

«Лес просто сводит меня с ума», — стукнуло в висках.

Он снова посмотрел на приземистый дом, но тот стоял всё так же далеко, будто Ян за всё это время не сделал ни единого шага. И сколько бы он ни шёл, ничего вокруг не менялось — цветочное поле бесконечно вытягивалось вперед, словно вязкая живица. Ноги послушно переступали по чавкающим растениям, но тело словно прибили к одному месту невидимыми гвоздями.

— Ян!

Голос прозвучал не внутри его головы, а пугающе снару-

жи — где-то справа. Ян резко обернулся, едва не поскользнувшись на мокрых стеблях.

— Марек? — хрипло крикнул он, тщетно вглядываясь в колышущуюся голубоватую дымку.

Вдали, меж колеблющихся бутонов, действительно мелькнула знакомая тень. И вмиг исчезла, растворилась. Ян попытался сделать шаг навстречу, не обращая внимания на тяжесть в ногах.

— Где ты, дурень? На кой за мной увязался?!

— Янчик...

Другой, мягкий голос заставил его испуганно рвануться влево. В то же мгновение он почувствовал знакомое прикосновение к своей руке, уловил родной запах засушенного зверобоя и свежего, сытного колобка.

— М-матушка? Это ты, матушка?

Пальцы готовы были сомкнуться на грубой, привычной ткани платья, на худом плече, но схватили только воздух, внезапно отдавший болотной тиной.

— Тут я, матушка! — оборачивался он вновь и вновь.

— Почему ты бросил нас, сыночек? — голос прозвучал прямо у него за спиной.

Ян резко обернулся. В синеватом свете поляны на секунду действительно мелькнул платок и знакомые сутулые плечи.

— Как мы теперь одни? Лес не уймётся... Знает он... Всё знает... Со свету ты нас сжил, сыночек... Сгубил...

— Нет, матушка, я... я должен был... — он попятился.

С другой стороны, ломая тишину, прорвался звонкий детский голосок:

— Почему ты меня оставил, Янчик? Ты же почти доплыл. Я чувствовала, как твои пальцы почти тронули мою руку. Нырнул бы поглубже... сыскал бы меня. А ты на дне меня оставил.

Перед ним никого не было, но перед глазами отчетливо возникли пряди волос, прилипшие к бледной, мокрой щеке, и мутные широко открытые глаза.

— Ладочка... прости... Мне... мне надо было искать дальше. Прости меня, прошу тебя, Ладочка!

Он отчаянно потянулся вперед, но пальцы просто бес- сильно смяли пару голубых лепестков.

— Я пытался... клянусь Лесом, я пытался...

— Струсил ты, — голосок дрогнул и размазался. — Как и Марек. Испугался, а я тут одна-одинёшенька. И тебе со мной гнить. Иди ко мне, Янчик. Вымокла я вся, до костей промёрзла... Прижми к себе. Обними же меня, ну!

Он с криком отшатнулся, изо всех сил сдавив голову ладонями, чтобы не слышать этого.

— Не вы это... — прохрипел он, вглядываясь в пустоту.

— Нет... нет вас тут...

Но голос Марека снова ядовито зашекотал уши, проникая под самую кожу:

— Мнишь, что ты лучше всех? Спас нас? Да мы все подохнем из-за тебя! Вся деревня сгниёт! — Ян почувствовал

ледяное прикосновение к руке. — Иди к нам, Янчик, прими смерть рядом с нами...

Холодные пальцы крепко сомкнулись на его израненном предплечье. Ян заставил себя зажмуриться, затем быстро открыл глаза. Снова и снова. Он лихорадочно моргал и жмурился, пока жуткое наваждение перед глазами наконец не рассеялось.

Его сильно шатнуло. Как пьяного — влево, вправо, пока он не ухватился за собственную грудь там, где в сумасшедшем ритме бешено колотилось сердце. Одну секунду он отчаянно удерживал равновесие, боясь сделать даже короткий вдох. В следующую — медленно разжал онемевшие пальцы, убеждаясь, что рука всё ещё слушается его. Затем тяжело выплюнул сквозь зубы горячее, прерывистое дыхание.

Он вновь упрямо шагнул вперёд. На этот раз сапог твердо, надежно встал на землю. Ян с шумом втянул носом застоявшийся воздух.

— Проклятый... Лес. — выдохнул он.

Низкий дом всё ещё незыблемо стоял впереди, и окружающая его тишина давила на уши гораздо сильнее, чем прежние ядовитые голоса. В голове теперь отчетливо билась только одна-единственная мысль: если этот дом не растаял вместе с остальным кошмаром, значит, внутри него точно кто-то есть.

Ведьма

— Сидите тихонько, старших слушайте, глядишь и обойдёт вас Ведьма Лесная стороной, — нежно щебетала мать, по очереди проводя ладонью по волосам близнецов.

Её пальцы задержались на виске Яна.

— Отца слушайте. Особенно ты, Янчик, опять на тебя жаловались.

Ян, не отрывая задумчивого взгляда от копотных балок над головой, хмуро бросил:

— Если ведьма забирает непослушных, на кой Лесу взрослые сдались-то? Брала бы мальцов и хватит с нее.

Мать замерла, в выцветших глазах мелькнула тень, вмиг стерев заботливую улыбку.

— Лес забирает за плохие дела, — строго отрезала она, и принялась торопливо смахивать пыльные крошки с его рубашки. — И полно глупости молоть. Лучше к отцу бегите, пока он не рассердился. Дров не рублено, а ночь студеная будет.

Она легонечко подтолкнула мальчиков к выходу, накинула на голову платок и, взвалив на плечо полное ягод да трав лукошко, скрылась за дверью.

— Взаправду в эти сказки веришь? — пробурчал Марек, свесившись со скамьи вниз головой. Кровь прилила к его лицу, и щёки стали алыми. — Врут всё, чтоб мы смиренно сидели. Неудобных же сживать проще со свету.

— Да вздор это всё, — отмахнулся Ян. — Куда мужики подевались? Одна девка с десятком мужиков справилась бы? Отец говорил, один вообще с топором в чашу попёрся, да там и остался.

— А коли так, выходит, силища у неё наверняка немереная? — осклабился Марек, раскачивая скамью. — Может, не убивает она, а души тянет, как матушка говорит. Ох, надо нам тише сидеть, Янчик, надо.

Ян прищурился на ржавое солнце, путающееся в еловых иглах.

— Оно-то может и так... А как по мне, выследить бы её да прикончить. Вся деревня бы выдохнула.

Со двора донёсся голос отца, в котором уже не осталось терпения:

— Долго я тут один корячиться буду?! А ну живо, сейчас хворостиной по спинам пройду, враз поумнеете!

Близнецы молча обменялись взглядами и сорвались с места. Мысли о лесной твари схлынули перед отцовским гневом.

***

Обогнув угол дома, Ян вжался лопатками в бревенчатую стену, пытаясь раствориться в её тени. И тут же увидел её.

Ведьма.

«Кто старших не слушает, у того Ведьма душу вытягивает, чтоб навсегда забыли, каково это — человеком быть...» — всё звенел в ушах матушкин голос.

Тогда, в детстве, прижавшись к Мареку под одним покрывалом, он верил каждому её слову. Боялся. Сейчас же, стоя перед этой лесной тварью, Ян уже не был уверен, что вообще умеет верить. Но всё казалось столь осязаемым, что не оставляло сомнений: эта ведьма была корнем всех бед, а её смерть — единственной надеждой.

Вспотевшие пальцы сжали рукоять ножа, который Ян привычно держал при себе для чистки рыбы и выстругивания палок. Он сгнул ком в горле. Одно резкое движение — по самую рукоять вонзить острие в эту спину, почувствовать, как оборвется лесной шепот, а яридинцы наконец-то выдохнут.

Но сладкая мысль сменилась другой — все те юноши, что уходили в чащу до него, наверняка сжимали в руках такие же ножи.

И где они теперь?

Она стояла к нему спиной, запрокинув голову к бледному небу — неподвижная, тонкая, словно ветвь ивы. Длинные волосы серебром струились по лопаткам, прикрывая тело до самых колен, а посеревшая одежда лохмотьями висела на ней, сливаясь с бледной кожей.

Ян не мог отвести от неё взгляд. В детстве он представлял её огромной, косматой, со зловонной пастью и руками, по локти измазанными в крови. Но сейчас перед ним замерло мелкое, как насекомое, создание. Казалось, схвати её за запястье — и кости с хрустом рассыплются в труху. А в крови здесь был только он.

Ведьма обернулась, будто почувствовав взгляд. Ян напрягся, сжимая нож. Но вместо морды чудища он увидел лицо напуганной девицы — тело её мгновенно сжалось, плечи поднялись, а босые ноги запутались в ворохе цветов, когда она попыталась сделать шаг назад.

Миг, и их взгляды встретились — его, полный ненависти, и её, испуганный. В глазах её он увидел то же самое, что однажды видел в глазах Ладочки. Беспомощность и мольбу.

Вопреки рассудку, рука с ножом сама собой дёрнулась вверх. Мышцы напряглись. Ян вспомнил, как мама выхаживала птенца и ругала его, когда он слишком сильно давил тельце, пытаясь уложить в гнездо.

«Не тронь слабых, Янчик. Сила нужна, чтобы защищать».

Голос матушки прозвучал в голове так ясно, словно она стояла рядом. Слова вспыхнули с новой силой. Пальцы на рукояти задрожали и начали медленно разжиматься.

Он отвернулся, не в силах больше смотреть на нее, оставляя на кончике языка лишь омерзительный вкус стыда.

Этим замешательством она и воспользовалась.

Ведьма одним движением выхватила из складок одежды пучок сухих трав. Мельком на её предплечье Ян заметил длинный шрам. Растерев травы между ладонями, она резко развернулась и с силой выдохнула ему прямо в лицо облачко едкой пыли.

Ян не успел закрыть рот. Горло сдавила режущая боль, а

глаза обожгло так сильно, что он почти ослеп. Сопли вместе со слезами брызнули из глаз, из груди вырвался лающий кашель. Страх скрутил внутренности, из-за слепоты он потерял равновесие и едва не рухнул на землю.

— Ах ты... — прошипел он сквозь удушье, яростно кашля и пытаясь утереть лицо локтем.

Образ беззащитной девицы рассыпался. Его грязно обманули. Сыграли на жалости. Стиснув зубы и наощупь перехватив нож, Ян бросился наперерез её шагам, игнорируя жгучую боль в глазах. Голос матушки больше не звучал в его голове.

Ведьма не была слабой.

Она была опасна.

Ян нагнал её у края поляны, где цветы уступали место колючему подлеску. Ведьма споткнулась о корень, едва не упав. Обнажив зубы, она резко развернулась, снова вскидывая руку с новым пучком трав. В глазах — теперь Ян разглядел, что они были алого цвета, точно кровь, — не было страха. Лишь злость загнанного в угол зверя.

— Да стой же ты, проклятая! — Ян тяжело хрипел, из носа текла слизь, смешанная с пылью от её трав. — Давай... давай поговорим! Я не хочу...

Прежде чем она успела метнуть в него новую труху, Ян рванулся вперёд и перехватил её запястье. Он сжал кости с такой силой, что кожа под его пальцами мгновенно налилась багровым цветом. Ведьма яростно зашипела, рванулась, но

Ян навалился сверху, вдавливая её плечом в жесткие ветки кустов.

— Да что с тобой такое?! Чего тебе от нас надо?! Зачем вредишь?!

Ведьма перестала дергаться. Она приблизила лицо, тяжело и часто дыша ему в щеку. Ян видел тонкий нос, высокие скулы и искусанные губы, поджатые в ниточку.

— В дом наш претесь, — прошипела она. — Землю портите. Жизни наши губите. А теперь... просите... поговорить?

Ян удерживал её вес, хотя в груди всё ещё пекло от её яда:

— Да не сунулся бы я сюда... если б твой Лес не позвал меня! Выбора у меня не было, ни у меня, ни у тех, кто был до меня.

— *Вре-е-ет о-он*, — раздался шепоток. Вместе с ним из-под корней заструилось голубое свечение, окутавшее стволы. — *То-о-очно-о вре-е-ет*.

Ян скосил глаза за её плечо, в чащу, но хватку не ослабил. Шелестящие звуки плодились, терлись о кору, создавая хорную жуть:

— *Не о-о-он... не о-о-он до-о-олжен бы-ыл прийти-и-и...*

Ведьма недовольно цокнула языком, будто отгоняла назойливых мух, и проигнорировала голоса. Чувство уверенности, что гнало Яна сюда, пошатнулось.

— Я... пришёл, потому что Лес брата моего выбрал, — проговорил тихо. — Вместо него пошел. Губить тебя... я не

собирался. Вернее... — он сглотнул, — ...теперь не собираюсь.

— Тогда отпусти мою руку, — холодно бросила она.

Он колебался секунду, чувствуя под пальцами тонкие кости чужого запястья — стоило надавить сильнее, и они с хрустом переломятся пополам.

— Разожми и ты кулаки, — потребовал Ян. — Брось эту дрянь.

Её взгляд на мгновение полыхнул отвращением, но после недолгой паузы она медленно, с показной неохотой разжала пальцы. Зелёная труха осыпалась на землю, и набежавший ветерок тут же развеял её между стеблей.

Ян отступил на два шага, его плечи сами собой опустились от навалившейся усталости, а голос заметно дрогнул:

— Я бы... я бы не тронул тебя... в обычное время. Но у меня... у нас...

Она не двигалась, упрямо вперив в него свой горящий взгляд, словно выжигая всё, что ещё оставалось у него внутри.

«Какого лешего я творю? — промелькнуло в голове у Яна. — Кому я тут распинаюсь? Ей? Лесу?»

Он глубоко вдохнул, запрокинул подбородок, беззащитно подставляя кадык и грудь, с силой развел руки в стороны и плотно сомкнул веки.

— Я готов, — тихо сказал он. — Коли для деревни нужно это... коли жизнь моя Марека спасёт... я готов. Давай, кон-

чай дело. Бери меня, ведьма.

— К чему... к чему ты готов? — едва слышно, растерянно сказала она.

Лес вокруг, дождавшись этой короткой паузы, снова зашептал. Шёпот стал насмешливым, язвительным, а голубые огоньки замерцали чаще, безумно танцуя в воздухе.

— *Упад-е-ет... упад-е-ет... упад-е-ет...*

— Заткнитесь! — вдруг крикнула она.

Ян к этому моменту уже не услышал ни звука. Колени его подкосились, и он рухнул на землю. Светящиеся цветы тут же потянулись к нему, нежные стебельки обвивали запястья и щекотали шею. Липкий пот стекал по вискам, смешиваясь с пылью и слезами.

Ведьма отступила ещё на полшага, молча наблюдая за ним. Парень, чьи сильные пальцы секунду назад оставляли багровые кровоподтеки на её руках, теперь валялся скрюченным и абсолютно безвольным у её ног.

В голове Герды на миг мелькнула мысль: может, это самый верный шанс покончить с чужаком? Но воспоминания об уроках Ярилы — та всегда учила помогать любому слабому существу, каковым человек перед лицом Леса, по сути, и являлся, — заставили её скривиться.

«Не слабый он, — подумала она, глядя на его тяжело вздымающуюся грудь. — Сильный. Дурной, но сильный. Отчего тогда не завершил начатое?»

С громким вздохом она раздосадованно закатила глаза и

всё же нехотя сделала шаг к нему. Брезгливо уперев пальцы босой ноги в его бок, Герда толкнула тело, заставив Яна безвольно перевалиться на спину.

Склонившись над ним, она быстрым взглядом осмотрела парня. Её пальцы аккуратно подняли его запястье — на предплечье, чуть ниже локтя, зияли свежие красные царапины, а из одной уже сочились капли мутного белого гноя.

Её брови сердито сдвинулись. Она резко повернулась к Лесу, к его танцующим огонькам.

— Смерти его ждали, — сквозь зубы процедила ведьма. — Так сами бы и добились, а не ко мне гнали.

Свечение от этих слов резко потускнело, утратило прежнюю плотность, однако тут же разгорелось вновь, хаотично пульсируя и перекидываясь с одной хвоинки на другую.

— *Сам он... сам,* — задрожали они, перебивая друг друга.

— *Да-да, точно сам!*

— *Ветки ломал, больно!*

— *Боялся нас!*

— *Мы всего лишь хотели напугать.*

— *Чуть-чуть напугать.*

— *Прости, Герда, мы не хотели...*

Герда лишь презрительно скривила губы, задумчиво почесав старый шрам на руке.

— Что будет, — произнесла она медленно, обращаясь к самому Лесу, а не к его трусливым шепчущим прихвостням, — если он помрет тут?

Огоньки снова испуганно погасли, но после короткой тишины тут же вспыхнули вновь. Хор голосов, теперь уже без прежней насмешки, испуганно прошелестел:

— *Ху-у-удо будет...*

— *Ой ху-у-удо...*

— *Большая беда придет.*

— *Большая-пребольшая...*

Живень

— Проклятые стебельки, — прошипела Герда, отпихивая ногой цветы, что облепили одежду Яна.

Она твердила себе, что делает это не из жалости, ведь чувствовать её к чужаку было так же чуждо, как и надеяться на что-то. Герда замерла у порога, вглядываясь в бледное лицо незнакомца. Пальцы вцепились в косяк. Ей до боли хотелось оставить его подышать прямо здесь, на сырой земле — Лес или раны довершат начатое. Но всё же её нога переступила через порог. Схватив Яна за ворот рубахи, она волоком втянула его тело внутрь избы.

В углу очага стоял котёл, из которого поднимались тонкие струйки пара, щекоча нос. Герда тяжело дышала, утирая пот со лба окровавленным рукавом. Она подошла к столу и начала перебирать разложенные в беспорядке травы, швыряя ненужные пучки прямо на земляной пол.

— Заставляла ведь заучивать, — буркнула она, откладывая в сторону пучок полыни. — Только травами теперь и спасаться.

Затем коснулась зверобоя, и сердитая усмешка облизнула её губы — Ярила говорила, что он хорош для заживления ран, на всякий случай. Разложив нужные пучки, она принялась измельчать их деревянной ступкой. Сухие листья крошились, превращаясь в ароматную пыль. Герда плеснула ту-

да густой живицы — холодной, как и её собственные пальцы, и добавила немного мёда для пластичности. Тягучая масса неохотно поддавалась, пока жижа не стала однородной и темной.

— На кой ты мне сдался? — выдохнула она, резко бросив ступку на доски. — Смерть мою принёс, а я над тобой со ступкой горблюсь, будто должна.

«Не твори глупостей, Герда. Не поймут они никогда. Но мы должны хотя бы пытаться их понять» — пронеслось в голове. Она резко обернулась, вздрогнув, но никого не было.

Закатив глаза, она переложила мазь в деревянную плоску и с тяжёлым вздохом вернулась к порогу, где лежал чужак. Юноше стало хуже — гной пузырился на царапинах, полностью скрыв кожу под собой.

— Знал бы ты, как тошно мне тебя выхаживать. Да только если подохнешь здесь, беда заявится похуже прежней.

Не заботясь о боли, она обмазала его предплечье плотным слоем мази. Отшвырнув плоску в сторону, Герда отодвинулась и замерла, глядя на его лицо. Пряди его тёмных волос прилипли ко лбу, полностью скрывая глаза. Она брезгливо отвела их пальцами, обнажая лоб.

Его дрожащее тело рождало в ней лишь нарастающее раздражение от этой удушливой близости.

— Руки так и чешутся придушить тебя, пока спишь.

Покачав головой, она развернулась и вошла в дом, направляясь в маленькую комнатку. Потёртые покрывала из

шкур были небрежно скинуты на пол. Рядом стоял старый ящик. Она опустилась перед ним на колени, содрав заусенец о шершавую крышку, и откинула её, убрав ткань.

Ящик хранил в себе немногим больше, чем пыль и воспоминания. Пальцы, нащупав маленький свёрток, завернутый в тряпицу, достали его, не разворачивая. Грязь въелась в плетение нитей, но Герда прижала узелок к груди.

— Сегодня, — тихо пообещала она себе. — Сегодня обязательно получится.

***

Сначала был звук — назойливый стук в висках. Потом свет, режущий даже сквозь сомкнутые веки, заставил глаза слезиться. И наконец — боль, разлитая по всему телу. Мышцы ломило, словно его долго колотили палками, а потом бросили едва живого.

Ян попытался пошевелить рукой, но пальцы отозвались судорогой. Опираясь на неровную стену дома, царапая ладони о щепки, он с трудом поднялся. Головокружение едва не швырнуло его обратно на землю. Поляна, дом — никого нет. Вокруг стояла тишина. На миг ему показалось, что всё случившееся было горячечным сном, но кривой сруб перед глазами не оставлял сомнений — он был здесь. У ведьмы.

Птица, сидевшая напротив на сухой ветке, склонила голову и изучала его чёрными бусинами глаз. В его деревне птицы давно исчезли или лежалидохлыми по краям троп — маленькие чёрные комочки, источенные червями. Здесь же

жизнь была настолько полнокровная, сочная, что на неё было больно смотреть. Она казалась издевкой.

Шатаясь, Ян толкнул дверь хижины. Изнутри пахло горьким варевом, и он тут же закашлялся от резкого запаха, прикрыв нос рукой. Посмотрев на свое предплечье, Ян заметил толстый слой подсохшей, стянувшей кожу мази. Матушка иногда готовила подобное: горшочки с той же мазью она ставила им с Мареком, когда те приходили с глубокими ссадинами на ногах. Осознание того, что ведьма вылечила его...

Ян выскочил наружу, кашляя от свежего воздуха, пахнущего еловыми иголками и влажной землей. Одно было ясно до жути: прошлой ночью что-то пошло не так. Его не убили. Его оставили жить.

Мысли украл хруст ветвей. Ян замер, вслушиваясь. Звук доносился из чащи, из-за тёмных елей и сосен, заставляя его, хоть и неуверенно, шаг за шагом двигаться вперёд. Ноги проваливались в мох. Перед ним вновь замелькали голубые огоньки, выплывая из сырого тумана.

— *Жив...* — прошелестел один, и скрипучий голосок прозвучал прямо у него над ухом, заставляя вздрогнуть.

— *Да-да, жив-жив...* — подкакнул другой, чуть ниже, кружа вокруг его запястья.

— *...младшая...* — зашептали они, перебивая друг друга.
— *...не смогла... не смогла...*

— *...точно не смогла...* — подхватил третий, мелькая перед самым его лицом.

— ...*верно-верно...*

— Почему я... — крикнул он, заставляя огоньки замереть в воздухе. — не помер?

— ...*ничего не скажем...* — прошипел самый крупный из них.

— ...*да-да, ничего...* — подхватили остальные, начиная нервно метаться.

— ...*Герда сжалась...* — вдруг прозвучало слева, и тут же остальные огоньки яростно набросились на болтуна, зашипев и замигав.

— Герда? — переспросил Ян, вглядываясь в мерцание между деревьев.

— ...*Герда...*

— ...*имя узнал...*

— ...*повезло-повезло...*

— Вчера вы чуть не свели меня с ума своим шёпотом, а теперь трещите как сороки, — с раздражением бросил он.

Огоньки задрожали, их свет замигал тревожнее.

— ...*не боится, гляди...*

— ...*зря...*

— ...*ведьму гневить — в землю лечь... не жилец ты, не жилец...*

— ...*не жилец, не жилец...*

Ян хмыкнул, хотя внутри всё комом сжалось от их слов. Пальцы невольно потянулись к пустому поясу — ножа не было. Огоньки вдруг зашипели громче, их свечение стало рез-

ким, слепящим.

— ...не ходи...

— ...помрёшь, если пойдёшь...

— ...точно помрёшь...

— Вы-то только рады будете, нет? — отмахнулся он. — Трусом я никогда не был. И сейчас не стану.

— ...вчера был...

— ...да-да, точно был...

Ян хотел уже возразить, вспомнив ночную панику, но в итоге лишь коротко усмехнулся и махнул на них рукой.

«Лучше уж рискнуть, чем вечно прятаться», — подумал он. Оттолкнувшись от шершавого ствола дерева, он двинулся сквозь чащу, оставляя назойливые огоньки позади. Вскоре до слуха донёсся тихий плеск, и он пошёл на звук, пока не вышел к реке.

Узкая, но чистая, почти прозрачная, она разрезала лес, и Ян застыл поражённый. В Яридине вода в реке была мутной, застойной, с гнилым привкусом. Там на дне колыхался склизкий ил, а здесь можно было разглядеть каждый камешек, каждую прожилку на речной гальке.

Едва дойдя до кромки, он рухнул на колени. Наклонился и стал пить, зачерпывая воду пригоршнями. Пил почти давясь, кашляя и сплёвывая воду, и снова зачерпывал её, и снова пил. Ледяная влага ломила зубы, обжигала горло. Руки всё ещё дрожали, но уже не от слабости — от непривычного изобилия жизни, которого его деревня была лишена все эти

годы. Это была чистая, не отравленная Лесом вода.

Утолив жажду, Ян вернулся на поляну, но там по-прежнему никого не было. Изба стояла запертой. И отсутствие Герды теперь беспокоило его куда сильнее, чем её недавнее присутствие.

Он внимательно осмотрелся, однако память по-прежнему оставалась пустой, не желая воскрешать подробности минувшего вечера. Шагнув в хижину ведьмы, Ян сразу заметил небольшую комнатку, где принялся за обыск. Он переворачивал лукошки, перетряхивал сухие пучки, пока наконец не выудил из перевернутых вещей порванный лист.

В этот миг Ян мысленно поблагодарил матушку, которая когда-то настойчиво, сквозь слезы и капризы, вбивала в него умение читать. Он вновь убедился в собственной правоте: хорошо, что именно он отправился в Лес вместо брата. Марек всегда считал её уроки бесполезной тратой времени и заявлял, что для удачного сватовства буквы вовсе не нужны — девкам, мол, важнее сила да ладный дом.

Почерк на листке был кривым, буквы дрожали и наезжали друг на друга. Ян затаил дыхание, упорно разбирая каждое выцарапанное слово, пока не сложил их в пугающую фразу:

«Живень обретает тело, когда в нём есть часть живой плоти. Корми его тем, что помнит».

Дальше слова обрывались. Нижняя часть листа была залита неровным росчерком — то ли сажа, то ли засохшая кровь перечеркнула остальное, превратив записи в черную корку.

Но и крох прочитанного хватило, чтобы в голове у Яна закололо.

Он бросил бумагу обратно в ящик и поспешно задвинул его, стараясь скрыть следы своего присутствия, сдувая пыль обратно на крышку.

Ему нужно было найти ведьму.

Ян пошёл по едва заметной тропе, петляющей меж деревьев. Следы босых ног на сырой земле были свежими, чёткими. Он шёл быстро, пригибаясь под низкими ветвями, пока тропа не вывела его к каменистой равнине.

Ян вовремя заметил движение впереди. Он быстро прижался к выступу скалы, стараясь слиться с камнем и не дышать.

Из дыры в скале, которую Ян сначала и не заметил, появилась Герда. В руках она бережно держала свёрток, завернутый в грязную тряпицу. В центре каменистой площадки стоял плоский валун, точно алтарь, покрытый темными потеками. На нём были разложены пряди рыжих волос, бледные обрывки кожи и нечто, напоминающее кость. Всё это лежало рядом с окровавленным лоскутом ткани.

Чуть поодаль возвышалась бесформенная куча. То ли земля, то ли глина — Ян не понимал. Но он тут же заметил в этой куче движение. Казалось, тварь эта дышит, медленно пульсируя и раздуваясь.

Герда склонилась над сгустком и начала аккуратно вталкивать в него всё то, что держала в руках. Ян затаил дыхание,

сильнее вжимаясь спиной в камень.

«Сиди тут. Жди. Если с ней что-то случится... то сама виновата. Знала, куда шла». — крутилось в голове.

Нога его начала нервно постукивать по камню. Он понимал — если что-то пойдёт не так, эта тварь сначала сожрет ее, а потом примется и за него. Бежать было некуда, да и он не сможет просто смотреть — ведьма была ему нужна. Чтобы наконец закончить этот чудовищный ритуал и вернуть жизнь его деревне. Или хотя бы объяснить, почему спасла того, кто пришёл её убить.

Ян вжался в камень, ощущая каждый острый выступ сквозь ткань рубахи. Дыхание царапало сухое горло, пока он наблюдал за ведьмой. Пальцы теперь уже с силой вдавливали в массу пряди волос, лоскуты кожи, обломки костей, а её неразборчивый шёпот сливался с шелестом ветра.

И тогда глина ожила. С хлопаньем грязь пошла вверх, вытягивая короткие подбоя рук и ног. Движения были кособокими, словно у новорождённого телёнка, впервые пытающегося встать на дрожащие ноги. Тварь валилась вбок, но упрямо лезла вверх, впитывая пепел с валуна.

— Тише... — прошептала Герда. Звук едва долетел до ушей Яна. — Слушайся. Держись. Я здесь, слышишь?

Она склонилась ниже, её руки были по локти измазаны в этой жиже, она нашептывала свои заговоры быстрее, срываясь на выдох. Глиняная фигура неожиданно повернула комок, служивший ей головой, в сторону ведьмы. Ян всматри-

вался до рези в глазах, видел лишь выпирающие бугры, но не мог найти ни одного уязвимого места, если понадобится эту тварь прикончить. Ни глаз, ни сердца — как бороться с ожившей грязью?

— Держись, — выдыхала Герда, прижимая ладони к омерзительной массе, словно пыталась согреть её. — Я здесь, я здесь.

Слова, полные нежности к этому слепому уродцу, заставили Яна сделать шаг вперёд. Он ступал осторожно, то и дело замирая и боясь издать звук сапогом по камню. Глиняный ком зашевелился сильнее, с повизгиванием вытягивая новые конечности, из пор жижи сочилась мутная влага. И тогда Герда, не отрывая рук от его бока, дрожащим от слез голосом спросила:

— Ты меня узнаёшь? Скажи, что ты меня узнаёшь.

Ян сделал ещё два шага, пригибаясь за выступами камней. Теперь он видел её лицо, в профиль — осунувшееся, усталое, с мешками под глазами и прикусанными в кровь губами. От её вида неприятно защипало под боком: что же она пережила, чтобы решиться на такое?

— За-что... — проскрежетал живень, и из его глиняного нутра вырвался хруст ломающихся костей. — ...за-чем... убила...

Успехав скрежет глины, Ян резко выхватил нож из-за пояса. Он видел, как сгорбилась спина Герды. Ян ждал, почти надеялся, что она разгневается, начнёт оправдываться, но

вместо этого из её груди, сдавленно и глухо вырвалось лишь:
— Прости...

Глиняная рука, тяжелая и бесформенная, занеслась над её склонённой головой. Страх и неуверенность вмиг рассыпались в голове Яна. Он рванул с места, прыгая через камни. Нож в его руке блеснул. Не целясь, Ян с размаху ударил в самую гущу твари, вкладывая в этот бросок весь вес тела.

Отец всегда говорил: «Не знаешь, куда бить, — бей в центр».

Лезвие вошло глубоко, с чавкающим хлопанием. Живая глина расступилась, обнажив внутри себя пульсирующую паутину красных нитей, похожих на сосуды. Ян замер, ошеломлённый. И этого мгновения хватило, чтобы глина с силой сомкнулась обратно, поглотив нож до рукояти и сдавив его пальцы до хруста костей. Он рванул руку назад, но грязь обхватила предплечье, заставляя его вскрикнуть от боли.

— Ты что творишь?! — он почувствовал, как ногти Герды впились в его плечо, она яростно пыталась оторвать его от творения своих рук. — Кто тебя просил сюда лезть? Кто тебе право вмешиваться?!

Краем глаза он увидел, как другая конечность твари со свистом несётся в их сторону. Резко оттолкнув Герду локтем, Ян дёрнулся всем телом, но вцепившаяся грязь тянула вниз, лишая его движения. Тяжёлый удар жижи пришёлся прямо по рёбрам. Воздух вырвался из лёгких, Ян согнулся, оставив во рту вкус крови.

— Отойди, — выдохнул он, сквозь кашель переводя дыхание и упираясь свободной рукой в валун. — Я... жизнь... твою... спасаю, дура!

Второй удар живня он успел перехватить предплечьем, подставив под удар кость. Несколько тёмных брызг густой глины отлетели на камни с тихим шлепком.

— Не просила я! — голос её сорвался на визг. — Не смей вредить ей!

Живень, будто проникаясь её яростью, занёс лапу для нового удара, целясь прямо в лицо своей создательнице. Стиснув зубы, Ян переборол боль в ребрах и с силой рванул зажатую ножом руку на себя, увлекая за собой внутренности существа. Тварь качнулась, её удар пришёлся в пустоту, выбив каменную крошку из скалы.

— Если я её не прикончу, — прорычал он, наваливаясь всем телом на скользкий бок твари, — она сначала меня сожрёт, а потом за тебя примется! Понимаешь?!

— Прочь! Прочь, я сказала. Убери свои поганые руки!!

Но вместо того чтобы подчиниться, Ян зажмурился и сквозь боль провернул нож внутри жижи, сделав полный оборот и с хрустом разрывая красные сосуды-нити.

Живень взвыл. Это был пронзительный визг, скрежет, рычание — дикий звук зверя. Существо затряслось, его тело забулькало, выпуская пузыри гноя.

— Нет-нет-нет, хватит! Остановись! — Герда бросилась между ними, наотмашь толкая Яна в грудь. — Подохнешь,

значит так тебе и надо. Но её я не дам!

Прикусив губу, Ян проигнорировал её толчок и вновь вдавил лезвие. Глина взвизгнула и рванулась в судороге. Ее лапа описала широкую дугу и со всего маху ударила Герду в плечо. Она удивлённо ахнула, отлетела назад, тяжело осев на камни.

Ян на секунду замер. Убедившись, что она жива, он со всей злости вбил свободный кулак в бесформенную морду живня:

— Я же сказал не лезь!

Всем весом упершись в глиняную тушу, он чувствовал, как его рука горит в соках существа. Он провернул нож. Ещё раз. Сильнее, налегая плечом. Он кромсал и перемалывал скрытое под грязью нутро, уничтожая саму основу этой мерзкой жизни. Глина наконец потеряла упругость, тепло ушло из неё, масса стала жидкой. Мертвой. С хлюпающим звуком Ян выдернул онемевшую руку, по локоть облитуую воюющей слизью.

Подавив рвотный позыв, он перевёл взгляд на алтарь. Перед ним уже не было существа — то была лишь медленно оседающая груда серой грязи, бесформенно сползающая с камня и растекающаяся по трещинам равнины.

Ян тяжело дышал. Он медленно обернулся к ведьме. Герда, держась за ушибленное плечо, подползла к жиге. Пальцы её дрожали, когда она принялась выковыривать из грязи обломки костей и пряди волос.

— Всегда вы так... — просипела она, глотая слезы. — Приходите, последнее отнимаете.

Ян закатил глаза, чувствуя, как злость колет сознание. Он только что спас ей жизнь, а она обвиняет его? Боль в плече, усталость до тошноты от боя, от этого проклятого Леса, от самой ведьмы и её безумных ритуалов — всё это нахлынуло так сильно, что он шагнул вперед, наступив тяжелым сапогом прямо на жижу у её пальцев.

— И что, мне надо было просто смотреть, как оно тебя убивает?! Ты этого хотела?!

— Тебе нужно было сдохнуть самому где-нибудь в лесу, не суясь сюда! — она вскинула на него лицо, и её взгляд был полон чистой ненависти. — Умру я или нет, не твоя забота.

Ян криво усмехнулся, утирая кровь с губы.

— Умрёшь ты, и кто с Лесом договорится? Кто жертву принесёт?

— Мне плевать. Прочь с моих глаз. Уходи, — Герда с трудом поднялась на ноги, прижимая к груди грязные останки.

Но Ян шагнул наперерез, преградив ей дорогу к тропе. Его широкие плечи полностью перекрыли проход.

— Не уйду. Хоть зашиби — не сдвинусь. Пока в моей деревне не будет жизни — не уйду. Скажи, что... делать? Не молчи, ведьма.

Герда не ответила. Она нарочно двинулась вперед, с силой задев его плечом. Оглушённый её упрямством, Ян стоял, глядя на растекающуюся по камням жижу. С безнадёж-

ным вздохом он поплёлся вслед за ней, чувствуя себя побитой собакой.

Шли они молча. Только хруст веток под ногами да далёкий крик птицы нарушали эту тишину. Ян несколько раз прорывался заговорить, прочищал горло, но Герда обрывала его коротким: «Умолкни», даже не оборачиваясь.

Так они и дошли до цветочной поляны. Герда, не замедляя шага, прошла сквозь цветы. Но едва на тропу ступил Ян — цветы ожили. Их лепестки потянулись к его ногам, нежно касаясь голых щиколоток, словно сотни маленьких рук, пытающихся согреться о человеческое тепло.

Удивлённый, Ян остановился. Он наклонился и осторожно потянул за один из бутонов — тот легко, без малейшего сопротивления отделился от стебля. В ту же секунду внутренний свет цветка погас. Лепестки сморщились, став обычными, безжизненными.

Он ускорил шаг и догнал Герду, которая резко обернулась на шорох.

— Эм... держи, — протянул он ей угасший бутон на ладони. — Прости меня. Я... не хотел рушить то, что тебе дорого. Понимаю, этим ничего не поправить.

Герда с изумлением посмотрела на мёртвый цветок, а затем перевела взгляд на его лицо. Напряжение на миг исчезло.

— Как... — она осеклась, трогая лепестки пальцем. — Как ты его сорвал?

— Да просто сорвал, — пожал плечами Ян. — У вас тут

что, цветы к земле приколочены?

Она с опаской забрала у него стебелек. Не говоря больше ни слова, ведьма развернулась и пошла к своему дому. Но на этот раз она не захлопнула перед ним дверь.

Герда молча подошла к очагу и начала бросать в котёл какие-то корни, готовя похлёбку. Ян, чувствуя себя лишним в этой маленькой избе, тихо присел на пол у самой двери, стараясь казаться как можно меньше. Рёбра ныли после удара живня.

— И чего ты туда кидаешь? — всё же спросил Ян, кивнув на закипающий котёл. — По запаху-то вроде съедобно.

Герда вскинула голову и одарила его таким взглядом, что он тут же пожалел о своём любопытстве.

— Язык у тебя больно длинный. Может, укоротить?

Ян поник, утыкаясь подбородком в колени. Вскоре по дому разнёсся сытный запах варева. Она налила похлёбку в две грубые миски и, не глядя на него, резким швырком протянула одну парню.

— Спасибо, — сказал он тихо, принимая горячее дерево. — И за еду... и... за то, что тогда не дала помереть. Я этого не забуду.

Он быстро опустошил миску, обжигая язык. Сложив руки на животе, Ян спросил о главном:

— Когда ритуал-то свершится? Чего для этого надо? Я всё сделаю для тебя, ведьма, только скажи.

— Не спрашивай глупостей, — отрезала Герда, забирая

его пустую посуду. — Нож давай.

Он опасливо вытащил замызганный нож из-за пояса и протянул ей рукояткой вперёд. Герда перехватила холодную сталь, подошла к ящику в своей комнатухе и со стуком спрятала его внутрь, заперев замок.

— Прочь. Спать будешь снаружи.

— Снаружи? — крохотная надежда на примирение рассыпалась в прах. — Там же холодно.

— Молись, чтобы Лес не убил тебя в эту ночь вместо меня, — ответила Герда, указывая на порог.

Она выставила его из избы и с грохотом захлопнула перед его носом дверь.

Снаружи и впрямь было холодно. Ночной воздух тут же пробрался под его рубаху, заставляя покрыться мурашками. Ян тяжело вздохнул. Внутри все кололо: и обида, и злость на ведьму, и горькое понимание, что иного исхода он сейчас, видимо, и не заслужил.

Найдя у стены сухое, защищённое от ветра место, он устроился на голой земле, подтянув колени к груди и пытаюсь согреться собственным дыханием.

Велесова ночь

Жар от высокого пылающего костра обжигал щеки, а спину со стороны чащи обдавало колючим осенним холодом, который упрямо пробирался под тонкую серую ткань платья. Пламя с гулом пожирало сухие стебли трав, с треском плюясь в ночное небо длинными снопами искр. Золотые точки оседали на мокрой хвое сосновых лап и тут же с шипением гасли в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.